

18+

Алексей Козлов

# Lichtenw Wald

Лихтенвальд  
из  
Сан-Репы

ТОМ

3



**Алексей Козлов**  
**Лихтенвальд**  
**из Сан-Репы. Том 3**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=21547848](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21547848)*  
*ISBN 9785448326998*

**Аннотация**

«Лихтенвальд из Сан-Репы» – роман о доблестном Алексее Лихтенвальде, которому помогают высшие силы. Возвращение на родину и новые похождения в компании с Гитболаном и Кропоткиным. Книга содержит нецензурную брань.

# Содержание

Нусеква	5
Глава 1. Водворение справедливости и первая раздача слонов	5
Глава 2. Муза странствий	12
Глава 3. Посягновение на святыни	21
Глава 4. Уже в Патерстоне	23
Глава 5. В Летнем Сквере	44
Глава 6. Что было на самом деле?	51
Глава 7. Невольные свидетели	54
Глава 8. Въезд на осле	59
Глава 9. Выходные	79
Глава 10. Подведение итогов	81
Глава 11. Посещение музея	88
Конец ознакомительного фрагмента.	102

**Лихтенвальд из Сан-Репы**  
**Том 3**  
**Алексей Козлов**

© Алексей Козлов, 2017

ISBN 978-5-4483-2699-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

# Нусеква

## Глава 1. Водворение справедливости и первая раздача слонов

Никогда не угадаешь того, кто вспомнит о тебе после смерти! Наверняка это будут люди, которые при жизни тебя проклинали!

Патерстон ведь – не Перунов болван, чтобы всем ему кланяться.

Человек, посетивший в Сан Репе одну Нусекву, конечно, может чем-то похвастаться своему приятелю. Посетивший Нусекву и Сблызнов – может считать себя Приобщённым. Но побывавший и в Нусекве, и в Сблызнове, и в Патарстоуне разом – поистине превзошёл самого себя и заслуживает места в Пантеоне Богов. Его можно назвать Неприкасаемым Для Нечестивых. Посетив три эти места, он увидел самое крутое, что есть в благословенной Сан Репе. Вот мы и имеем дело с таким избранником в лице господина Гитболана, которого потеряли на время из внимания, но который в это время внимательно следил за нами из своего бункера.

Патерстоун – город при слиянии северных рек – древняя, прекрасная жемчужина, истинная градостроительная жем-

чужина, вторая столица Сан Репы. Построенная на болоте лучшими зодчими Европы, она познала времена своего недолгого расцвета, видела времена упадка и к настоящему времени находилась на полпути между расцветом и упадком, не зная, куда направить стопы. Былой лоск имперского города-лагеря, позолота амбициозных зданий, построенных некогда архитекторами-иностранцами, давно облезли. Стропила сгнили. Плотники ушли или сгнили в земле без следа. Две войны, прошедшиеся правда по периметру, город не украсили, скорее наоборот. Но ещё сохранялось понятие «Старый Патерстоунец», под которым понимались те, кто приехал сюда аж целых двадцать семь лет назад.

По мнению аборигенов, вселившихся в город лет двадцать назад из окрестных деревень и уже корчащих из себя коренных Патерстоунцев – осталась великая культура. Мы верим на слово, что культура осталась. Но сколько её осталось, насколько она велика, на этот вопрос никто нам внятно не ответит. Несколько родственников писателя Хрусталеvского, автора знаменитого романа «Убийство и Тайга», влачащих ныне жалкое существование, группка рокзвёзд, одаривших мир песнями туманного содержания, народный хор в доломанах – вот в принципе и всё!

Зато природа дала местным всё.

Лето. Белые ночи. Прекрасная северная природа. Этого тут так много, что хотелось бы сократить! Кто не хотел бы быть счастливым под светлым северным небом в недолгие

дни северного лета? Кто не хотел быть запечатлён на фоне вечной, прекрасной северной природы? Кто не хотел хоть раз увидеть мистического вечернего северного освещения, когда двор залит светом, а на улице – ночь? Кто не хотел бы бродить среди каналов и помоек древнего и прекрасного Патерстона – северной столицы неизвестно чего? Нет таких! И не будет! Все хотят!

Даже Ивен Чутки – Почётный Гражданин города, смотритель царского горшка, депутат нескольких созывов Сейма, невольно восхитился, выглянув на улицу из окна своей квартиры на Фруктовых каналах. Нет, те, кто не хочет жить здесь, те уже давно умерли от алкоголизма и тоски.

Недаром приурочили празднества ко времени белых ночей, хотели благословения природы для мелких людских дел. Юбилей Патерстоуна праздновался по высшему классу. Денег на действо не жалели. Здания в центре стояли со свежесбеленными фасадами, вонючие помойки прикрывали щиты с улыбающимися девицами, везде латали брусчатку мостовой, золотили купола. Здания стояли с замотанными сеткой мордами. Во дворах вокруг помоек возводили потёмкинские стройки – расписанные гуашью будочки с ионическими капителями.

Очень дорого и долго – делать хорошо. Легче наклеить плёнку на развалину. Лучше спросить совета у находчивого воришки Потёмкина, чем затевать что-то монументальное.

Иностранцы были поражены. В небе плавал дирижабль

с сатанинской рекламой на брюхе: «Волшебные луковицы Покусая!», «Жевательный табак с Антильских островов!», «Гуано Фреда Малахова». «Пансион Милы Навзнич. Девчонки что надо!», «Позвони! 3333!».

– Что это значит? – испуганно спросил Кропоткин, воздевая голову к потолку и похожий в эту минуту на главного персонажа картины Кукрыниксов «Конец». – Луковицы? Опять эти луковицы? Что говорите? Девчонки сок выделяют? Милка Навзнич!? Хорватская звезда? Мы где-то это уже видели!? Или слышали! Берегите кошелёк! Здесь явно пахнет жареным! Любой может пасть жертвой кровожадных луковиц!

– Молодёжь развлекается! Деньги девать некуда! – ковыряясь в зубах ржавым натфилем, ответил Нерон, – вот и платят юнцы за дурацкие рекламы типа этих. Причём платят отчасти деньгами, отчасти – здоровьем!

Исчадьё человеческой природы!  
Наивный плебс, плебеи, грязный сор  
Под гордыми ленивыми ногами!  
Метушьяся чернь в огне времён!  
В Мантие Я был дожем! Крёстным ходом,  
Гусиным шагом я марши-ирую  
По городу, отлитому из хлама,  
пивных бутылок и воспоминаний...  
Людей здесь нет! О господи! Не надо  
Надежду растравлять, она убита!

Не вижу никого! И ничего!  
Неужто я ослеп от жутких бедствий,  
Обрушенных на голову мою  
Наивным провиденьем? О! Неужто  
Я никогда очами не увижу  
Живого светоносного начала  
Лучей светила под названием Солнце?  
Неужто всё так плохо в королевстве  
И не хватает пушкарей на стенах  
Родной юдоли – государства мавров?  
В том, что случилось, я не виноват!  
Скажи, ты видишь, что случилось, брат?

Шар сделал круг и показал лоснящийся бок с новыми словами: «Великий Драчуловский. Белый Мавр. Глотание стаканов и хождение по огню! Горбатые киты и спелые вольтижировщицы!».

– Какие непроходимые проходимцы! – скривился Нерон, – Из железной болванки сок выжмут!

Кропоткин выхватил стило и застрочил по бумаге.

– Круто! Я чего-нибудь замечу и изреку, – сказал насмешливо Нерон, указывая пальцев прямо в глаз Кропоткина, – А он ходит и записывает за мной!

– Таким голосом говорит стерва с жидким пучком на затылке! Ну и что! Ты же не ценишь сказанное! То, что ты что-то сказал просто так – ты бросил в мусорную корзину космоса! Это уже не будет доступно никому никогда и никогда

не будет никем повторено! В определённом смысле это безответственность, ибо гениальное и нужное слово, подаренное бесцеремонному и молчаливому космосу, является предательством истины! – отвечал Кропоткин, протирая очки пролетарской фланелью.

– Страна непроходимых проходимцев. Ладно! Записывай!

– Нет! Это слишком на Дармидовича похоже! Или на Шмуйского.

– Чем он занимается на досуге?

– Пишет стихи! Клёкотание глухаря на току! Розы-мимозы. У самцов после сорока такое случается! Вот! Послушайте!

«Меня остановил в предверьи Рая

Упадок сил пред ликом сатаны...

Уставшие бороться умирают,

Презрев свой сан и наложив в штаны».

– Сколько Йов не читал «Библию»...

– А денег у него не было...

– Нет! А у слона яйца больше! Таков правильный отзыв!

– Ха-ха-ха! Натужный смех, переходящий в туберкулёзный кашель, завершающийся кровавым поносом! Не шути так с народом!

– Греческий гульден. Сомалийский экию. Украинский доллар. Эфиопская марка. Ракушки. Баранки. Водка. Пенька. Узвар. Пойло. Сусло. Слова-слова. Зовите на поминки аку-

Шера – он вам расскажет, что такое вера!

## Глава 2. Муза странствий

Всех позвал ветер странствий и развлечений. И нашу компанию, и тех, кто за ней, высунув язык, горячо и серьёзно охотился.

Вот и Гитболан захотел побродить вдоль засыпанных мусором каналов и подышать холодным выхлопным воздухом имперского Патерстоуна. Рассказы о богатстве тамошних музеев, преподнесённые Нероном и полные дифирамбов с пеной в углах рта великого диктатора, подтолкнули его ускорить приезд. Музеи, а не смешная погоня, которую снарядили вслед Гитболану самонадеянные люди. Погоня окончилась там же в поезде. И окончилась, как всегда, смертью!

А может быть кочевая душа, истомившаяся ожиданием встречи со зловонными болотами, наконец решила на то, чтобы осесть в тихой гавани и обрести размеренную, мирную старость вдали от клокочущего жерла государственно-го вулкана. Быть может, и так. Патерстон, не оспорить, прекрасное место для того, чтобы достойно и уверено встретить благородную старость! Так ли это или не так, никто уже никогда не узнает. Фактом и достоянием общности стало то, что в канун Нового года Гитболановские ухаи проникли в Северную пальмиру и угнездились там. Это стало понятно, когда начались здесь начались узнаваемые по почерку подлянки.

Но вернёмся, вернёмся, друзья мои, в поезд «Сблызнов – Петерстон», где нашла свой приют дружная Гитболановская бригада, и где всё это начиналось.

В соседнем купе в позах рублёвского триумvirата сидело трое граждан. Они были пьяны и расторможены...

Большая чёрная птица безмолвно сидела над большими напольными часами и вращала глазами.

За стеной, в соседнем купе также кипела жизнь. Была большая, но чистая любовь. На продавленной всемирным тяготением и кровавой историей роялистской кровати набатно гремели имперские пружины. Вполголоса работало радио «Сулико», но здесь уже давно вёлся разговор, часть которого могли слышать любопытные агенты.

Первым был слышен голос Нерона:

– ...Вали её на диван и разбирайся по месту! Если она целомудренная аристократка, она даст с радостью. Хуже, если она распутная простолоудинка. Тогда придётся много поработать языком, чтобы уломать. Но даже уломав, нельзя терять разум и лучше всё равно убежать. Жертва, попавшая к ней в лапы, обречена. Это существо, не знающее жалости! Поверь моему опыту! Уж я знаю, то говорю!

– Разврат! Разврат! Ах, наивность! – горячился наш старый знакомый Кропоткин, размахивая всеми руками, – Вот вы говорите, пальцы, пальцы, но мог ли ещё кто-либо, к примеру, подумать, что здесь будет в почёте уличная проституция, а великая комедия Грибоедова «Горе от Ума» будет

незаметно удалена из школьной программы! Тостеры-Шмостеры с их вонючими паровозиками и пароходиками из Бабякова и Хрякова там будут, А «Горе от Ума» нет? Что это такое? Разве это не растление? Подтасовка, подмена худшим лучшего – это не растление!? А сделано это специально! Не надо рабам читать о свободном человеке, который напроць отверг ложь и ханжество, имел смелость высказать им всё – лучше кретины пусть на гнилом паровозике катаются из Бабяково в Хряково, хихикают и шерстью обрастают! Так их легче стричь!

– Кропоткин! – сказал крайне спокойно великий магистр Гитболан, пронзая народовольца пристальными глазами, я хочу деталей – доложи, что пишут масс-медиа о нашей миссии в Сан-Репе.

– Первое. Появились обжигающие статьи в газетах, где нас называют фашистами, недобитками, недоносками, отморозками, беспредельщиками. Обычные слова. От населения требуется сплотиться и сжать кулаки единения пред лицом невиданной и серьёзной угрозы. Пытаются охладить ум и разгорячить сердца этих кретинов! Вспоминают годы второй мировой войны, когда народ был епдин, как скала! Да-с! Всё в таком вот духе. Обзываются. Я уже говорил! «Группа маньяков» – самый безобидный из эпитетов! Но я бы не стал обижаться, честно говоря! Из иных уст ругань звучит, как ослепительный комплимент! Есть фотография беременной восьмидесятилетней старухи, якобы пострадавшей в Битве

при «Праге». Рот во всю полосу! Якобы у неё случились преждевременные роды и всё в таком духе! Правда – всё это враньё! За всю историю человечества не было ни одной Рахили, способной произвести потомство на девятом десятке лет. Стыд им глаза не выест!

Второе. У спецназовцев кто-то специально развязал языки, и они рассказывают направо и налево про наши ужасные нравы. Какие мы безжалостные и дикие! Призывают нас уничтожить поскорее! Да-с! Стараются представить нас в смешном и отвратительном виде...

Брови Гитболана поднялись.

– ...В Нусекве на досках, где до этого висели сатирические плакаты, демонстрируют фото обгорелых геев, ужасная картина! Не знаю, поверите или нет, увидев плакат, я плакал, шеф! Рыдал, как школьник! Геев жалко! Птичку жалко! Себя жалко на их фоне! Жёлтая пресса смакует детали! Полный обсос! Я трепещу!

И Кропоткин захныкал и стал ковырять пальцем в носу.

– Ближе к телу, Ги! – вернул его к реальности Гитболан, – что ты хотел этим сказать?

– Да так, ничего! Продолжаю-с! Позвольте доложить дальше? Третье. Был репортаж из психиатрической лечебницы, где приходят в себя сотрудники «Сбербанка», почувствовавшие наконец-то на своей шкуре, что такое несправедливость. Старичок с ума сошёл, что-то на пальцах показывал врачам и пускал пузыри изо рта. Наши уроки не прошли бесследно!

Может быть, в сердцах пострадавших пробудятся естественные, и я бы даже сказал, человеческие чувства сочувствия к ограбленным им?

– Ну, это уж навряд ли! Банки и выдуманы, как тихие грабители под видом радетелей! – сказал Нерон.

– Так дай же отпор клеветникам Сан Репы! Не зли меня! Кинь им новую дезу на радость! Запусти им петарду! Я не хочу, чтобы на свете жили столичные люди, называющие меня отморожком! Я не хочу чтобы они испускали дух естественной смертью под нянюшкины колыбельные! Убей их!

– Так точно, сэр!

Забегая вперёд, скажем, что Кропоткин исполнил своё обещание и дезуху запустил и в качестве добавочного блюда откусил голову у нескольких журналистов. Уже на следующий же день по центральному телевидению астроном, а также записной астролог Феликс Смешанский заявил, что по его сведениям и положению планет никаких таинственных сил в истории с пожарами, гостиницами нет, всё это разборки враждующих кланов, и вообще – хватит искать мистику там, где её нет. Морда у обозревателя была серьёзна до предела. Кирпич в очках. Он целый час возил указкой по графикам, убеждая зрителей в разгуле краевой преступности, которая заинтересована в том, чтобы прикрыть свои преступления какой-нибудь мистикой и чертовщинкой. Но вот ..... вам!

«В городе Долинске убит губернатор Севрюков. К нему

подбежал пятилетний бойскаут с букетом роз, вырвал чеку и взорвался. Мальчик был роботом со взрывчаткой в брюхе. Дети – наше будущее! Для губернатора Севрюкова – теперь уже прошлое!».

После астролога пошёл английский фильм про древнюю историю. Динозавры гонялись друг за другом.

«Народы моря ворвались в Семивратные Фивы и разграбили их».

Потом прокрутили предвыборный ролик каких-то козлов...

Гитболан, посмотрев всё это, отправился в свой призрачный покой отдыхать.

В соседнем купе гремела беседа:

– ...Слёзы высохли на её глазах!

– А он?

– А он обоссался!

– Как ёжик в тумане?

– Как ежик! В тумане?..

– Убью, если врёшь!

– Чистую правду говорю!

Надо сказать, что ещё вечером Кропоткин заметил наблюдение за купе. Не то, чтобы было какое-то явное внимание, просто он почувствовал слезку.

Тут же в узком коридорчике явился покорёженный судьбой бомж с завязанным изоляционной лентой глазом, развернул фронтную трехрядку, раскрыл зловонную пасть

и завопил, как корову в зад целовал:

Ехали мы в Питер на баркасе!  
Злая лебеда цвела кругом!  
Раскроили череп дяде Васе  
Киллеры тяжёлым утюгом!  
Эх, любимая сторонка!  
Дорогая сторона!  
Стодоймовая воронка!  
Рюмка выпита до дна!  
Ехали мы в Питер без Васюхи!  
Он лежал в осиновом гробу  
И серьга в его дубовом ухе...  
Ух-ху! Ух-ху! Ух-ху! У-ху-ху!  
Ехали мы в Питер на баркасе!  
Злая лебеда цвела кругом!  
Раскроили череп дяде Васе  
Киллеры железным молотком!  
Раскроили череп дяде Васе  
Киллеры свинцовым долотом!  
Киллеры железным утюгом!

Агенты тут же его вывели для выяснения личности, но он испарился.

А потом появился развязный тип, что-то пытавшийся якобы впарить. Не получив в первый раз удовлетворения, он ушёл, и все полагали, что он больше не появится.

Усатый подонок меж тем не угомонился и всунулся с дру-

гой стороны двери.

– Омолаживающие фекальные кремы, сударь! Продаю! – хрипло прокаркал он в дверь, как команду в армии. Сзади пристроился ещё какой-то тип, видимо, помощник, изящный горбун лет нескольких.

Нерон расцвёл.

– А-а! Знаем, знаем! – сказал он голосом, от которого мало кто мог ожидать хорошего, – Панацея от всех болезней – «Нун-Нун» – «Кидоин» делается на основе лапок гигантских африканских тараканов? «Анусин» – на основе лепёх гаитянских кроликов? Уникальная технология приготовления в желчи слона и сперме комодорской жабы? Многовековые традиции использования? Мудрая дозировка делают препарат незаменимым средством от рака, геморроя, желтухи, и ещё 132 смертельных болезней? Попутно он выводит камни и распускает почки? Есть обнадеживающие результаты лечения СПИДа. Не так ли? Вах-вах-вах! Молодые люди! В школе поди учились! Стыдно!

Он укоризненно покачал головой, а потом с пушечным звуком захлопывающегося гроба закрыл дверь.

– Педоголик и Филопед! Тяжёлое детдомовское детство! Слезы в темноте! Розги мачехи? Комплекс Золушки! – отметил Гитболан, – Пришли вынюхивать! Слухачки!

– Ходють тут всякие слухачи! Вынюхивають! Как бы чего не вышло похлеще! – пророчески проронил Нерон, пытаясь пристроиться к убитой подушке, – Придуть через два часа!

Кодлой!

– Недавно был скандал в госпитале, – сказал Кропоткин, озабоченно потирая кошачьи усы, – Врач обследовал девиц и всем им ставил диагноз – рак. После этого он направлял их в свой кабинет, где им делали радиацию и химеотерапию за бешеные деньги. Были смертельные исходы. Потом оказалось, что рака не было и в помине, а больные загнулись не от рака, а от химеотерапии за бешеные деньги. Им насильно или обманом продали совершенно ненужный и даже вредный для здоровья товар. Так мы живём и лечимся! Таковы нравы Вороньей слободки! Этот врач по наущению Гиппократов считал своим долгом торговать смертью! После этого жить стало лучше, жить стало веселее!

– Его поймали?

– А что толку? Дело сделано! Никого уже не возвратишь с того света!

– Смерти бывают разные! Я знавал одного человека, который... Ну, в общем, причиной его смерти было сомнение.... Он занял денег у сатаны и не возвратил.

– И что же сатана с ним сделал?

– Заставил купить ядовитый кактус и жить с ним.

– Только то и всего?

В радио начинался концерт индийской музыки, а так как возможности выключить радио не было, Нерон заткнул уши простынями и истошно закрыл глаза. Это помогло, но не надолго.

## Глава 3. Посягновение на святыни

В час двадцать ночи по узкому коридору шестого вагона с двух сторон к двадцать четвёртому купе неслышно подошли восемь человек и заняли положенные по инструкции места. Послушав, что происходит в купе, и, убедившись, что все либо спят, либо купе пусто, человек в сером вязаном свитере – главарь группы что-то шепнул своему коллеге на ухо, указал куда-то на небо пальцем, вынул инвентарный железнодорожный ключ и неслышно повернул его в отверстии. Убедившись, что дверь отперта, он на секунду приложил руку к губам, прислушиваясь к звукам в купе, а потом дал стартовую отмашку.

Резко рванули дверь и впрыгнули внутрь. Ворвались агенты и – отшатнулись: в узком пространстве, лишённом все положенных в купе поезда полок и столиков, один за другим, висело на верёвках впрыток пять трупов. Было видно, что трупы были не только мужчин, но даже – женщин и детей. Странно, но было видно, что трупы висели здесь очень давно, они успели покрыться зелёными пятнами и сладостно до рвоты смердели. В углу стоял немецкий рюкзак и закопчённая фасция, захватанная снизу руками. Гражданин в свитере, ворвавшийся в купе первым, по инерции уткнулся в живот висевшего впереди толстяка в тоге, и тот развалился на куски, и на полу превратился в гигантскую кучу мокриц

и пиявок, которые стали тут же разбегаться. Одетый в свитер начальник с отвращением отхлынул и поддался назад с перекосившимся лицом. Агенты захлопнули дверь и стали негромко переговариваться, с тем, чтобы решить, что же делать по такому случаю. Когда они до чего-то договорились и снова стали дёргать дверь, она оказалась заперта внутри.

– Что видел, Нерон? – спросил не выспавшийся Кропоткин утром, вытягиваясь, как гитана.

– Сны были ужасны! Грибной день. Всю ночь лил дождь. Всё утро палило солнце. Весь день спал и видел кошмары один другого мерзее. Грибники. Приезжие. Специалисты по бледным поганкам.

– А я спал, как пришибленный! А нас чуть не взяли, между прочим!

– Не продохнуть! Одни стукачи! Шестигранник им в задницу!

## Глава 4. Уже в Патерстоне

В этот день из скорого поезда, прибывшего в Патерстон из Ледзепелинска, вышел высокий человек в восточной хламиде и белой шапочке. Кучковавшиеся под железным навесом пассажиры своими завистливыми глазами отметили не только его статную фигуру и высокий рост, но и поразительное сходство с безуспешно разыскиваемым по всему миру террористом Осамой бен Ладеном. Те же пронзительные глаза пророка, призванного в мир искоренять мерзость, те же благородные пропорции, то же осмысленное выражение правильного продолговатого лица. Только уникальные венские усики контрастировали с общим видом приезжего и напоминали о его настоящем виде. Ему несомненно более пошёл бы венский шитый костюм, чем эта восточная распахонка.

Поезд, из которого высадился белоснежный тип вместе с двумя коммивояжёрами, ни черта не понимавшими на тёмном сан репейском языке, издревле имел дурную славу средства передвижения, привозившего в столицу не только дёрганых чернявых людей, но и белоснежные наркотики.

Низкие чёрные тучи обложили город со всех сторон. Сыпал холодный дождь. Несколько раз в течение дня было дано штормовое предупреждение.

Кропоткин был взволнован.

– На меня было покушение! Сначала подсыпали какой-то гадости в шнапс, хлороформа, наверное, а потом метнули в меня томагавк! – сыпал он словесным горохом.

– И каков же результат покушения! Ты же жив? – недовольно отвечал Нерон, – Стоит ли огорчаться неудавшимся покушениям и пустым лотерейным билетам?

– Пока да! Томагавк только скользнул по моему черепу, вернулся к хозяину и снёс ему бедовую голову вместе с фуражкой. Это просто удача! Я заговорён своим амулетом – скальпом индейского вождя Унчо-Пунчо!

О как! А у меня ещё хуже – давеча был тет-а-тет с верующим человеком. Незадолго до нашего отъезда иду это я по улице, и тут ко мне бросается прилично одетый человек с кипой бумажек. Я опешил и позволили ему высказаться. Оказалось – иеговист и чаёт подискутировать по вопросам веры. Я слушал молча его трескотню. Иеговист продолжал напирать. Тогда я стал нахваливать его самого и его бога, чтобы он отстал. Вы, говорю, конечно, мне очень нравиться тем, что вам не нравится официальная церковь. Он расцвёл, как пышная роза, а я добавил: «...но вот в чём дело... мне не нравится сам Христос! А об этой модернистской религии я даже говорить не хочу!» Вы бы видели, как стремительно он убежал! Дурючь нашего брата! Дурючь!

Около вокзала стояли щиты с наглыми цветастыми рекламами. Человек-сэндвич был облачён в дубовый гроб. Он постоянно вертелся и изрыгал, нет, не проклятия, скорее сла-

вословия.

– Заряжаю кремы! Кремирую на дому! – кричал он. – Фирма «Эдельвейс». Крем от загара! Крем для загара! Просто крем!

– Не по душе мне эти разговоры! Куда мы попали? – сказал Кропоткин, тревожно оглядываясь по сторонам. Это похоже на то отхожее место, из которого мы только что уехали!

– Ну, на этот вопрос есть вполне определённый ответ, и он состоит в следующем: это столица в прошлом. Здесь в скромной, ничем не ограниченной роскоши размножались цари и клонировались орды чиновников. Пукнуть нельзя было, чтобы не попасть либо в царя, либо в чиновника. Потом царям дали по шапке. И поделом, потому что ничего общего их правление со справедливостью и честью не имело. Тут была страшная смута, сопровождавшаяся массовым избиением населения. Город погрузился в средневековье и на время обезлюдел. Сегодня это – захиревший областной центр, не утративший, однако же, кое-каких амбиций, ни на чём, впрочем, не основанный. Ему не отказано в сомнительной чести считаться культурным центром страны! Но... Деньги, батенька, деньги! Их нет! Финансовые потоки огибают это место стороной, как проклятое! Деньги не терпят разговоров о культуре! Без них разговоры о культуре напоминают разговоры о желательности оживления Лазаря, наобум! – отвечивал ему Нерон, вытирая ладонью лоб.

Гитболану втемяшилась блажь увидеть, как путешествует

народ, и он в числе последних втиснулся на остановке в жёванный немецкий автобус.

Покою здесь не было.

– Можно на ветеранское место? – сразу же завопил белый старикан с всклокоченной шевелюрой из-под накренившейся фуры и булавочными глазами – мечтатель о социальном реванше и общении. Он затрясся и задрал непобедимый наполеоновский кадык к глухому потолку. Седые волосы ветерана вздымались коком над его героической головой, а сверху головы набекрень сидела борзая в прошлом полковничья фуражка, с пятнами в тех местах, за которые её хватали каждый день. Он с ходу вступил разговор с водителем о подлости нового времени, клянясь каждую секунду, что компрадорский режим, объявший его страну, слава богу, скоро рухнет. Орал он почти во весь голос, как будто наслаждаясь последней возможностью блеснуть ускользнувшей властью над умами слушателей.

Да, ветеран был с перевязанной головой и торчащими кавалергардскими зубами. В руках у него была суковатая палка с набалдашником в форме корня мандрагоры. Своей палкой он бил в пол поношенной машины с такой силой, как будто хотел её разнести вдребезги.

– Нельзя! Не положено! – не поворачивая головы, брезгливо сказал бритый водитель, – Занято! Восемьдесят человек в сутки бесплатно ездют! Подождёте! Я вам не собес!

– Как занято? Как занято? – загорячился ветеран, – одну

остановочку? Ну?

Ему трудно было поверить, что такой бравый воин, как он, не заслужил права на бесплатный проезд в раздолбанном дредноуте.

– Нельзя! – сказал водитель, – Не положено!

– Ах, так? – возопил заслуженный старик, защитник родины в метровых эполетах, оскорблённый до глубины души, – Ах, так!

И сделал вид, что будет мстить.

Этот старый пентюх совсем из ума выжил.

Но с подножки не соскочил, рукой продолжая цепляться за поручень.

Не получив разрешения на бесплатный проезд, ветеран, проехал две остановки и выскочил около цирка, не поблагодарив, прямо под колёса грузовика.

– Когда я был в Вене, – перевёл стрелки разговора Гитболан, наблюдая диспозицию, – какой-то мерзкий пуантилист увёл мою лучшую картину! Я сомневаюсь в высоких моральных свойствах большинства художников и военных. У них не может быть моральных свойств! Новые поколения смотрят на мир своими глазами! Это взгляд интереса, но не истины! Истина вообще никого не интересует! В этом и есть основа природы, что она смеётся над всем сущим и ничему не даёт вечного простора! Но тех, кто нарушает законы природы, попирает исконную правильность мира, тем грозит то же, что случилось с этим ветераном – они попадают под

колёса Провидения!

– Шеф! Я лучше анекдот расскажу! Двое мирно идут по городу, а мимо пробегает человек с рулём в руках, крутит его, щёки дует и орёт: «Садитесь на мой «КАМАЗ»! Подвезу!»

Они смотрят на этого психа и мирно отказываются, езжай, мол, дальше. Тогда водитель «КАМАЗа» вынимает из-за спины обрез и говорит:

«Все в „КАМАЗ“! Быстро! Пристрелю!».

Делать нечего, двое пристроились сзади сумасшедшего с рулём и бегут по улице гуськом. Все устали и хотят уже пить и есть. Вдруг видят пост милиции. Они обрадовались, что избавление близко.

Из поста милиции выбегает милиционер с дубиной и останавливает психа с рулём.

«Почему скорость нарушаешь? Где права?» – спрашивает он у водителя «КАМАЗа».

Псих вынимает права, путевой лист, и подаёт их милиционеру. Тот посмотрел и говорит: «А в кузове почему люди? Кузов не приспособлен!»

– А это, – отвечает сумасшедший, – пассажиры. Я ребят до города подбрасываю.

– Не надо! – говорит мент, – Я их сам на мотоцикле подброшу! Один – за спиной, другой – в люльке!

Смотрят, а в руках у мента руль и пистолет.

Побежали они теперь за ментом, один сзади, другой сбо-

ку, вприсядку. Согнутый пот со лба вытирает и говорит: «Лучше бы на „КАМАЗе“ доехали!»

– Нерон, – сказал Гитболан, – ешь творожок! Прошу тебя! Кстати, ты заметил, сколь тщательно следовало бы заняться этим старичком...

– Да знаю я этих липовых генералов! Здесь уже нет столько свадеб, сколько генералов к ним! Вы их гнали в своё время, как облупленных! Да и генерал ли это? Я вовсе не уверен! Если ты надел генеральскую форму, то из этого вовсе не следует, что ты генерал!

Гостиница «Альпийский клуб» найти было легко, труднее – поселиться в ней. Уже летели по благословенной Сан Репе запоздалые предупреждения о появлении компании разбойников, неразборчивых в средствах и крайне жестоких. Уже был объявлен розыск преступников по всем весям. Уже стало известно, что ни от кого не прячась, среди белого дня бандиты погрузились на скорый поезд «Сблызнов-Патарстон». Все знали, что, как ни странно, они благополучно прибыли в конечный пункт. Тут потерялись их следы. Неусыпная стража знала по прошлому опыту, что не будет главарь банды и его подручные прятаться по подвалам, а поселиться, как обычно на самом виду. Стали проверять дорогие гостиницы в городе и быстро нашли, что искали. Оказалось, что появились два человека в «Английском клубе», но никакой ни рослый аристократ с усами и бритый толстяк, а совсем наоборот – высокий бритый здоровяк с фиксой

и худенький коротышка, похожий на детдомовского мальчика, с бородой и усиками. Но и этого было достаточно: все уже знали фокусы Гитболана и его способности к мимикрии.

Те, кто выслеживали, к вечеру следующего дня были в номере. Горничная, подосланная к двери, не дождалась ответа, открыла дверь своим ключом и группа захвата ворвалась в холл с высоким потолком и окнами от пола до потолка. Применять оружие и спецсредства не пришлось.

В номере работал душ и телевизор, но никого не было. Только на шкафу сидел равнодушный семисотлетний филин, вращая гигантскими глазами.

Осмотрев помещение и, естественно, никого не найдя, полковник Дупль и его ребята опечатали вход и ушли восвояси. Ушли ребята огорчённые, так и не поняв, что им была подарена жизнь.

А в это время в большом царском дворце, в спальне последнего императора Гитболан распаковывал свой чёрный кожаный чемодан, одновременно наблюдая за движущимися картинками на поверхности хрустального шара. Нерон то и дело сжимал кулаки и умоляюще поглядывал на Гитболана:

– Ну, пустите же! Пустите меня! Они не будут мучиться! Гарантирую лёгкую смерть! Шеф! Ну?!

Но ему не разрешили.

Грусть была разлита в воздухе. Кропоткин рассматривал на стене календарь за девятьсот пятый год, и что-то высчитывал на пальцах.

– Хочешь, свои новые стихи читаю? У меня есть уда-  
чи! – голосом гимназистки спросил Нерон.

– Хочу! – лживо ответил Кропоткин, чтобы не огорчать  
друга.

Встретив благодарного собеседника, Нерон возбудился,  
взял его в оборот и с интимными интонациями в голосе стал  
посыпать его дихлофосом своего вдохновения.

– Александр Иванович! – сказал Нерон, впервые называя  
Кропоткина по имени-отчеству, – Этот город всё-таки уди-  
вителен! Не успел я преступить его границ, как музы вошли  
парадным строем в моё сердце! В сердце заварилась пурга  
чувств! Вот слушайте! Это родилось сейчас! Я боюсь забыть!  
Новое! Сочинение называется «Чета»!

– Давай! Заноси! – сказал Кропоткин и подпёр щеку ку-  
лаком.

– Как умопомрачительно она  
В своём изрядно драном пеньюаре  
Взыскует вкруг следы веретена!..  
А он в шлафроке спелого говна  
Наяривает костью на рояле.  
Гармонии былой простыл и след.  
Ямб выродился в хор, хорей – в гекзаметр,  
И уж не дробит по старинке дед,  
Заглядывая в форточки кунсткамер.  
Он мается задором молодым,  
Она толчёт сухую воду в ступе,

Она пьяней, чем предрассветный дым,  
А он хорош, увы, почти, что в дупель.  
Что пожелать им? Сдохнуть от тоски?  
Забыться анашой под сенью храма?..  
Она его таскает за грудки,  
А он клянётся ей детьми и мамой.  
Торжественно в лесах звучит рефрен...  
Им – скучен ритуал, другим – наука:  
«Когда ты, наконец, подохнешь, хрен?»  
«Да провались ты в твердь земную, сука!»  
Венками изошёл и пал сонет.  
Ямб выродился в хор, хорей – в гекзаметр  
И уж не дробит по старинке дед,  
Заглядывая в форточки кунсткамер... Конец!..

Вкратце – о чём эта вещь? Эта вещь о строительстве этого грёбаного Патерстона, о героизме этого квёлого народа, о многом таком, что не находит отражения... Поэма называется «Призвание». Как? Свежо?

– Стихотворение? «Призвание»? «Чета»? В трёх десятикнижиях с эпилогом и хореографической группой безногих пигмеев? Свежо! Пастозно! – пародированным голосом скомандовал Кропоткин, не склонный к неуместной натурфилософии и кабинетному словоблудию во вшивых университетах, – Тема стихотворения, как я полагаю – соитие мужчины и женщины, а также дружба инородцев. Объявляла Анна Мари Чехова, шпионка всех спецслужб мира! Начинай! —

– ...Народ уж полнится рыданием,  
Народ кипит, а царь идёт  
Заняться самобичеваньем  
И стрижкой попранных бород!  
О, как он верил в эти выи...  
В ланиты, перси...

– Голову даю на отсечение, рифма – голубые! – прервал  
его всё более разрушительное по своим последствиям вы-  
ступление Кропоткин, – По части рифмоплётства, ты – дока!  
Герман! Спаси меня! Он взялся за хорей и амфибрахий!  
– Молчи, червь! Слушай!

...Грохочут танки, пушки бьются,  
По берегам реки несутся  
Неугомонные бойцы,  
Подъяв к богам свои концы...

Как? Хорошо!

– Хорошо! Концы, подъятые к богам – это круто! Особен-  
но мне понравилось, что у тебя бойцы несутся. Ты вывел но-  
вый биологический вид бойца. Бойца нового времени! Он  
живёт в курятнике, кладёт яйца на алтарь родины, обраща-  
ет детородные органы к своим богам и в солдатском доволь-  
ствии не нуждается. Крыльев у него случайно нет?

– Прекрати свои дурацкие шутки! Слушай лучше!

– Нетушки! Я лучше сам прочитаю твои новые вирши!

Наденька! Наденька! У тебя улыбка гаденька!  
Наденька-Надюха! Порванное ухо!  
И чернее ночи  
Выдранные очи!  
Надиола! Надька! На закорки сядь-ка!  
Я – Папанин! Ты – Маманин!  
Сталин, Висмут, Чугунов,  
У меня дыра в кармане  
И резинка от трусов!

А вот стихотворение в староанглийском стиле:

Отец Маккензи  
Нашёл старуху в пемзе,  
Запутавшейся в чётках и слезах!  
Она болела  
И то и дело  
Все таяла у фазы на глазах...  
Старик Макке-ензи...

– Ты, Нерон, – почесал голову Кропоткин, – когда пишешь, думай головой! Думай лучше головой! А то и до равелина дойдёшь!

– Я не пишу! Я вдохновляюсь! Нет, на сегодня хватит! Больше тебе, ретрогад, читать не буду! Ты готов помочиться от злобы на всех семи углах моей словесности! Ты готов порешить китов, на которых основана сфера моей творческой

свободы! Хорошего не должно быть чересчур много! Иначе жизнь потеряет всякий смысл и цену. Должен быть контраст...

Нерон сгрёб лапой разбросанные по столу листки и гордо отбежал с ними к окну, где быстро рассовал их по карманам. А рассовав, успокоился и даже заинтересовался чем-то на улице.

В это же время на стройке за забором, дёргаясь, как паралитик, работал подъёмный кран. Всю ночь там промышленным способом воровали строительные материалы.

– Не дадут покою! Не дадут! – глядя на улицу, твердил Нерон, расплющив нос о стекло императорской форточки, – Мне тоскливо здесь! Душа моя холодна! Я никому не нужен!

– Как там Лихтенвальд без нас? – задумчиво процедил Гитболан, – Я боюсь, как бы он не принял постриг на горе Синайской, ибо он одинок среди людей, и его не издаёт «Галлимар».

– Какой «Галлимар»? – удивился Кропоткин.

– Галимый! Вот какой! Издательство мутное да галимое во Франции есть! «Галлимаром» называется! – пояснил Нерон, – Без денег кончается, на «Г» начинается. Издаёт всякую всячину вдругорядь и вскладчину! Мемуары дворников, надворных советчиков и див полусвета! Впрочем, в своё время они издали несколько неплохих романов.

– Чтобы у всех этих америкашек повылазило! – неожиданно сказал рассеянный к словам Кропоткин, – Надоели они

со своей брехнёй! Люди из полиэтиленовых бутылок! Они и на свет появляются в полиэтиленовых бутылках!

– Чёрт с ним, с этим «Галлимаром». Что нам в нём пользы? Отдохлой лошади и то больше пользы! Ту хоть ободрать можно! – присоединился к Кропоткину римский диктатор, актёр и неудавшийся тиран, – Что мне делать с плохим настроением? Не могу я здесь больше, шеф! Угнетают меня эти бесконечные жулики и проходимцы! Эти тяжкие для жизни города! Всё надоело! Смиренье покрыло Кропотость, и у них родилась дочь по имени Душевная Плесень! Напьюсь! Скверное вино «Северное Сияние» отвратит меня от закисших христианских добродетелей. У меня есть книжка мемуаров генерала Маннергейма! Можно выкрасть в библиотеке мемуары Эриха фон Манштейна. Тоже стоящая вещь! Буду читать! Буду шить сарафаны, мать их, из ситца! Христиан почти не трону, так, для проформы передую тысячу раз! Христиане могут пока спать и исповедываться спокойно!

– Штейн! Манштейн! Тянет тебя на всякое старьё, – бурчал Кропоткин, поглядывая на Нерона с тревогой, – От его линии уже ничего не осталось, кроме дюжины сгнивших надолбов и нескольких кукушкиных гнёзд на ёлках! А ты всё Маннергейм да Маннергейм! Почитай лучше Плутарха, мать его! Душа отдыхает, когда читаешь Плутарха! Ничего не понятно, но какая музыка! Узнаешь много из сельского хозяйства! Мёд души!

– Да! Плутарх! – мечтательно произнёс Нерон, – Плутарх! Бастард из бастардов! Мама любила его поучительные басни! Однажды свёкор, пыжась под сосною, набрёл на водолаза ввечеру и стал его охаживать плюсною... Ладно! Загадка на засыпку! На лыжах катается, на «п» называется? Что это? – обратился к потолку Нерон.

– Педофил?

– Нет! Не угадал! Три балла!

– Президент?

– Теплее!

– Вторая загадка! Пьяный с ракеткой болтается, на «б» везде называется?

– Биде? Угадал?

– Как бы не так!

– Буржуй?

– Загадка третья! На засыпку! Везде употребляется, на «х» называется?

– Ладно, хватит? Ты меня достал своими безумными загадками, сфинкс! Употреби свой энтузиазм на что-нибудь полезное! Займись, к примеру, охотой на китов! Гарпун на-точии! А теперь последнюю загадку задам я...

– Ну!

– Что плохо пахнет, делая белей любую ткань и платье королей?

– Краска?

– Сам ты краска!

– Сперма, что ли?

– Сам ты сперма! Хлорка!

– А-а! Глупы твои загадки, Сфинкс!

– В Германии тридцатых годов все показывали свои худшие стороны – и немцы, и ануреи, и славяне! – меланхолически заметил Нерон.

– Философ! Включу тебя в «Книгу рекордов Пениса». Откуда там оказались славяне? Их там было не так уж и много!

– Не надо! Ви ест мо хлеб! Ви пит мо пив! Факин френд! Сколько книг вокруг меня, затемняющих мои мозги, толкающих меня к пустопорожней тарабарщине. Сколько людей, близких мне по крови, обмануты и приведены в замешательство и уже сами готовы обманывать других. Уму непостижимо.

Внезапно со стороны открытого окна донеслись крики. Кропоткин высунулся и стал смотреть на происходящее внизу.

– Что там? – спросил Гитболан.

– Что это? – поддакнул Нерон.

– Праздник Первой борозды! Старинный обряд дефлорации. Я собирался писать по этой теме диссертацию в Сорбонне...

– Война помешала?

– Дураки-анархисты помешали! – раздражился Нерон, – Козлы-народовольцы, свиньи-революционеры, разнохиватели жареного, потрошители краденого, соискатели порчено-

го! Гнилоеды! Любители петь мерзкими голосами! Внебрачные дети двойного стандарта! Вдовы истины! Антихристы и подонки! Страна погибла от подтасовки и тихой измены!

Кропоткин расчувствовался.

– А что это там творится на бульваре Первого Поцелуя? Мальчики какие-то! Кровавые! В глазах!

– Опять ср... порознь выстроились за президентской добавкой! В белых рубашечках, с барабанчиками – лояльность демонстрируют! Тьфу, гниль! Выборы на носу, вот они и суетятся, массовку создают! Консенсус! Консенсус! Научились-таки умные слова произносить! Твари! Выползки!

– Ср... порось? Оригинально! А не прекратить ли нам эти хождения в народ? Как ты думаешь, Нерон? Эти ребята мне не очень нравятся! Зомби какие-то! Песенки дурацкие. Пустые глаза. Майки с портретами какого-то крошки Цахеса... Яппи, мать их в ёп!

– Айн момент! Я угадываю ваши мысли, шеф! Вы не против, если в этом историческом городе появятся ещё сорок новых скульптур работы божественного Альдо Дрестини?

– Не против!

– Считаю до трёх! Айн! Цвай! Драй! Фюр! Фикст! Зиг! Зебен! Фак!

Крики тотчас стихли, и вокруг внезапно замерших активистов стала собираться толпа. Недвижные и холодные мраморные люди застыли в разных позах, одни, повернув голову к своему начальнику, другие – наклонившись. Толпа сначала

подумала, что это шутка продвинутой молодёжи, а потом всё поняла и без слов разбежалась. Жизни в застывших фигурах не было никакой. В лицах застыло выражение невиданной муки. Фигуры же были изваяны настолько совершенно, что зрителю не могло не закрадываться сомнение в том, что это дело рук человеческих, а не потусторонних сил. Даже плевок, вылетевший изо рта демократа-курильщика – и тот был запечатлён в мраморе.

Нерон и Кропоткин схватились за руки и пустились в пляс.

– Я Папанин! Я Маманин! А я маленьки такой!

– Прошу любить и жа...

– Жаба! Пойман! Вор!

Окончив беснование, Нерон, сопя, высунулся из окна и стал наблюдать происходящее в корабельный бинокль.

– Что видно, Монтигомо Воробьиный Член?

– Фаллические протуберанцы в полярной области Марса. Кислотные дожди на Венере. Флуктуация отдельных чёрных дыр! Обнаружена одна огромная планета сплошь изо льда! Плешивый ..... на полярной шапке Юпитера! Бомж помог на кошку! Спроси, что слышно!

– Что?

– Пьяные женские крики со всех сторон. О, это совсем интересно!

– Что?

– Не скажу! Веду наблюдение! Снимаю показания! Пока

ещё рано докладывать научному сообществу! Мне показалось, в космосе я видел гигантский живой организм! Ягодичевидный сгусток белка!

– Не может быть! Ты преувеличиваешь, как всегда!

– Отнюдь! Преуменьшаю!

Кропоткин загрустил.

– Я не люблю расставаться с отживающим, привычным!

Со старыми вещами, с родителями, со временем! Когда старая вещь выходит из строя или крадётся у меня, я испытываю дикую злость. Я испытываю дикую печаль. Убивал бы всех за это! Но время, я знаю, расстанется со мной легко! Ему никого не жалко! Нерон! – сказал донельзя грустный Кропоткин, прислушиваясь к скрипам в полах, – Нет у нас детишек! Некого к сердцу прижать на старости лет! Давай возьмём на поруки негра из лепрозория... Или пуэрториканца из тюрьмы штата Айдахо! Или кота со стригущим лишайём между ушами! Не спорь! Подумай! Я его буду нянчить в гамаке и пороть крапивой, а ты – читать ему Плутарха и драться с ним на ринге железными дубинами! Давай возьмём! Чем чёрт не шутит! Может быть из него вырастет новый Ньютон или Эйн-Цвейн-Дрейн – штейн.

Нерона передёрнуло так, как будто в него попала разрывная пуля дум-дум.

– Ради Аллаха! Не надо Ньютонов, а тем более всех остальных! Не надо! А тем более Эйнцвейндрейнов! Я беру тайм-аут! – сказал он.

Кропоткин, прямой и не по годам бледный копался в вещах, и всё что-то выискивал в них.

– Что он делает? – спросил Гитболан, наклоня голову, – Он явно что-то замыслил.

– Я его спрошу! Кропоткин, ты что задумал?

– Одну коричневую штормовку и пойду по городу блядовать... Выгодное дело! – он вынул из какой-то ветоши довольно-таки побитую скрипку и стал вращать её над головой, – Вот! Страдивари! Подарок суффражистки за мою неутомимость. Она в свою очередь позаимствовала эти дрова в музучилище имени Мола Гнилоу. С женщинами иногда выгодно иметь дело! Они помнят уроки любви и делясь подпрелостями, одаривают потом гнильём!

– ...с фонарём в заднице он бродил по улицам чужого города и иногда выл по-волчьи! – осклабился Нерон, – Искать себе на это место приключений! Философа-дилетанта потянуло на места преступлений юности. Обещанка – моя манка! Давай-давай, сынок! Дерзай по-хорошему!

– Э-ех! Нет в вас ничего высокого! Ничего святого! Я людей ищу!

И Кропоткин выдал какую-то совершеннейшую цыганщину, не заботясь, как себя чувствует в гробу маэстро Страдивари.

– Хватит! Хватит! – сразу закричал Гитболан.

– А-а? Ну, давай! Бруши! – поддакнул ему Нерон, – Может, кто и отыщется! Иногда в навозе попадают такие жем-

чужины, что дух захватывает!

– Нет! В этом что-то есть! – мечтательно промолвил Кропоткин, – Пойдём блядовать вместе! Чем чёрт не шутит! Ты ж видишь, куда мы попали! На Сатурне и то больше жизни, чем здесь! Мы должны научиться сами себя развлекать и тем спастись от сумасшествия!

На этом разговор небожителей завершился.

– Ну! Блядовать, так блядовать! – погрозил кому-то неизвестному Нерон, – Теперь будут блядки без оглядки!

## Глава 5. В Летнем Сквере

Летний Сквер был залит весенним солнцем и радостен, как щенок. В гигантской шляпе а-ля Pushkine на скамье сидел стройный джентльмен с поднятым воротником. Недалеко в песочнице копалась пара белых карликов, постоянно ссорясь и выражая недовольство резкими визгливыми головами. У обоих было по два больших торчащих зубы спереди и они были чрезвычайно похожи на кроликов, сбежавших с фермы. Милиционер тронул гражданина за плечо, и в глаза его взглянула натуральная обезьяна в бакенбардах, которая тут же заорала ему в лицо:

«Ждут меня золотые дни,  
Очи васильковые,  
А сейчас кругом лишь пни,  
Да и те – х...е! Не замай, шустрик!»

Милиционер потребовал у разнuzданного типа документы и, как ни странно, получил.

– Так так, – сказал он, – Мендель Шлёмыч Франкенштейн по паспорту?

– Да-с! Что, без вопгосов не видать? Перевёгтыш в фогме! – недовольно отреагировал допгашиваемый – Одесса-мама! Кгасноярск – папа! Пгоездом по делам фигмы! Выпимши мы! А где тут пи-пи? На забог?

– Вопросы задаю я! – поставил на место лояльного гражд-

данина ментяра с лицом младенца.

– На месте Эйфелевой башни была яма, в которую сваливали трупы гугенотов... А что было на месте Летнего Сквега? Вы не знаете!

– Когда? То у них яма, то – канава! Могг навегное! Что тут могло быть на месте? Тут везде был морг! И везде кого-нибудь сваливали! Ямы тоже везде были! Хотя ни гугенотов, ни енотов не припомню. Жлобы тут жили!

– Нет, теперь там высится железный член! А здесь был морг, говогите? Вот беда! А что будет, по-вашему?

Милиционер, убедившись в полной лояльности пушкинской обезьяны, отбыл, а примат в шляпе аккуратно завернул паспорт в клеёнку, поплевал на неё для верности и засунул клеёнку в задний карман брюк. После этого он принялся читать газету, держа её, как всегда – вверх ногами и причмокивая гениальными эфиопскими губами:

– Боец Петров, сражённный СПИДом, отбросил кони на юру. Пришёл конец его обидам на склоне лета ввечеру. Лежит он в поле и не знает, что чёрный дрозд в лесу поёт, а над Парижем пролетает его фанерный самолёт! Если в Клошмерли случается скандал, то в Питерстоне – происшествие. Всё!

– Это не всё! Это – хуже, чем всё! Вы всегда будете делать ням-ням-ням, когда остальные делают бай-бай? – вдруг заверещал карлик в песочнице! Нет! Не всё! Мент ушёл? Ушёл, посконь!

– Давай!

Нерон отодвинул другого ушастого карлу, запыхтел и закопошился около какого-то довольно позорного с виду ящика, из которого торчали две антенны и спутанные проволоки. Ящик он откопал только что в песке, где его, по всей видимости, и прятал.

Он увидел себя на планете Ибрис в кругу весталок, посвящающих добровольцев-фарисеев в культ Кибеллы. Планета была такая маленькая, что огромное число людей, возжаждавших отхлебнуть языческого мёда из медных грудей божества, было непередаваемо велико.

– У нас не ересь какая-нибудь! У нас эзотерическое учение на 22-х языках! – крикнул чёрный дрозд с галерки.

– «Кабала» что ли, мать вашу?

Нерон как в лужу пукнул. Это действительно была «Кабала». Две зелёные ящерицы с янтарными глазами везли тяжёлую инкунабулу на одноколёсной гулаговской тележке и устало пыхтели. Им было тяжело тащиться по липкой грязи. Их тонкие голенастые ноги были по голени заляпаны жидкой субстанцией. Пробегающий было рядом жук – навозник успел прокатить свой ароматный шар перед носом трудолюбивых ящеров, и, избежав столкновения, только оглянулся на процессию и пошевелил революционными вольфрамовыми усам. Кондитерские крысы в белых крахмальных передниках молчаливо посматривали по сторонам света.

Одна из крыс усмехалась.

– У нас здесь и пахнуть не должно злобой дня! Ни... не должно! – сказал она со злобой, и поперхнулась.

Он таки повернул какой-то рычаг, и механизм закрутился, заверещал, затеплился не на шутку.

– Включить антиблинный штрассюлятор Гомонойгера!

– Есть, сэр!

– Продувка один! Расклинить клапана!

– Есть сэр!

– Возгонка серной кислоты! Маргиналинг!

– Есть, сэр!

– Дриблинг!

– Есть, сэр!

– Давление в пульпе!

– В норме!

– Внутривенное?

– Есть, сэр! Нормальное!

– Тонус?

– Ничего!

– Факинг?

– В норме!

– Турбулентность?

– В норме!

– Реверберация?

– В норме!

– Фрикции?

– Стабильные!

– Пуск!

Фр-р-р-р-р-р-р-р-р-р!

– Нах поехали! Ёкол! Что ж ты?...А-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

По широкому пылающему проспекту в золотой квадрате неся Нерон, простирая руку к уже не видимому за гарью и дымом равнодушному солнцу. День был так ярок, что публике были прекрасно видны волоски на его ногах. Несмотря на столь смешные детали вид его был столь внушителен, что у горожан, волею судьбы оказавшихся в тот момент на проспекте, сразу сбегала улыбка, и они жались к стенам древних домов. Зеленоватое лицо Нерона было хмуро, как никогда. Он молчал. Никто не услышал в тот день от него ни забористых стихов, ни бойких дифирамбов, ни вакхических песен. Он проскакал, не останавливаясь, вдоль длинной анфилады чёрных зданий и свернул в тесный тёмный проулок, ещё не охваченный пламенем. Тут его следы на время потерялись.

Это была проба пера.

Ещё вчера, скажу я вам, престранная дамочка бродила у роскошной чугунной решётки Калабатьевского особняка, где в своё время великий вождь взывал с английского танка, а другой – ещё более великий вождь – в чужое время творил заговоры и козни. Дамочка была как будто молода, хотя скорее старовата, красива, если не уродлива. Она имела бы вид абсолютно здоровой женщины, если бы не забинтованная

по локоть рука и страстные круги под глазами, по моде начала прошлого века. Двумя руками она везла тяжёлую женскую коляску, из которой доносилось чьё-то весёлое, довольное похрюкивание. Манеры её не свидетельствовали о чрезмерной самоуверенности, она всё время заговорчески оглядывалась, поёживалась, резко бросала ручку коляски с любимым, по всей видимости, чадом. На руки не брала, вероятно, по наущению доктора Спока. Впрочем иногда она выволакивала из довольно объёмистой театральной сумы шампанскую бутылку с белой, пахнущей брагой жидкостью и погружала её в полость коляски, откуда сразу начинало доноситься довольное громкое чавканье. Место, выбранное ей для своих прогулок, не говорило ни о хорошем вкусе прогульщицы, ни о её благородных намерениях. Вообще-то говоря, это была строго охраняемая зона и одинокие матери здесь, как правило, не появлялись, предпочитая голое, продуваемое всеми ветрами место, паркам и скверам, каких в Патерстоне благодаря гулякам-царям было пруд пруди. В Калабатьевском здании сидел губернатор Темнюг с кучей важных сановников, его надо было охранять, посему к дамочке пару раз подходили, но инспектора ничего странного в дамочке и её чаде не обнаружили, и в конце концов переключили своё внимание на более важные объекты.

Губернатор приезжал по утрам, и его ждали. Впрочем, он приезжал всегда не так уж рано, чтобы не травмировать психику уже отвыкших от регулярного труда чиновников. Часов

десять – вот лучшее время появления губернатора. К тому времени солнце уже встало, а лучшие червяки ранними мелкими птахами ещё не выловлены.

На этом дело не кончилось.

Вечером Нерон и Кропоткин по старой традиции затеяли дурацкую репетицию погорелого театра. Их звонкие голоса неслись из всех углов:

– Сплошная темнота! Коль есть кто, отзовитесь!

– Я, Кадмий, потрошитель кошельков!

– Я, Вульпий, мытарь божьей волей!

– А где Фулон?

– Толпой растерзан! Он был виновен в неосторожном слове, нет хуже посягательств языка! Он не смолчал! Плебейская толпа рвала его, и трети не дослушав, того, что он пытался ей сказать, пока его язык лишь от него остался и кость от языка... конец ужасный!

– Что в городе?

– Разбой и беспорядки! С тех пор, как эта злачная звезда седлает наше небо, нет порядка, и каждый день – угроза нашей жизни!

– Что император?

– Император в коме! Закрылся в замке с пёстрою толпой преторианцев и иного сброда! За стенами царит печальный дух пленения и скорого паденья...

## Глава 6. Что было на самом деле?

Ждали худшего.

Президент узнавал всё из первых гузн.

Народ наполнился слухами и истёк адреналином.

В высших сферах наблюдались неосознанные перемещения и клёкот. Первое, что сказал губернатор на планёрке, было:

– Ну, вот, кажется, эта зараза с погромами докатилась и до нашего исторического города. Надо ждать большой беды. Полковник Смыг, доложите обстановку!

Смыг, как мог, доложил.

– Действительно, – начал полковник, – в городе появилась со вчерашнего дня группа неуловимых преступников. Пока неуловимых, прошу заметить, пока! Сожжено несколько общественных зданий, есть убитые и изнасилованные...

И сел на раненую во всех войнах ягодицу.

– Ну, уж не ври насчёт изнасилований, – вдруг изрёк голос из-под люстры, – Не было этого.

– Привычка к бреду и желание выдавать желаемое за действительное свойственна воякам Сан Репы... – вторил другой голос, более грубый.

– Кто это сказал? – подозрительно вскричал нелюбимый никем губернатор, но виновника не обнаружил.

– Вот описание прискорбного бандита: – продолжил сы-

щик, – «От наседавших работников правоохранительных органов он отстреливался калошами, которых у него оказалась уйма. Был меток не по годам и двух полицаев прибил начисто. Впрочем, иные свидетели утверждают, что он кидался не галошами, а окаменевшими фекалиями из ограбленного и разрушенного Палеонтологического музея.

– Я видел! Видел! – крикнул профессор Преображенский, – Такие фекалии не могут быть у человека! Я сам видел!

– А чьи же это фекалии? – насмешливо спросил специалист по вулканным грибам Шульман, – Чьи? Пришельцев из космоса? Инопланетян? Гомункулюсов?

– Ладно уж, сейчас не до научных споров, – нахмурился губернатор, пытаясь выдать улыбку, – Что ещё плохого случилось?

– Раввин Патерстона, весёлый и уравновешенный человек, постоянный участник клубов этой гр... ной самодеятельности на берегах рек, внезапно повесился на тфилине. Вероятно, что он мог быть повешен.

– На чём? На чём повесился? – сказала сразу несколько любопытных голосов.

– На специальной верёвке!

– Для повешенья?

– Нет! Читайте книги!

На следующий день случилось больше, и случившееся было уже не столь безобидно.

Воспоминания свидетелей о том незабываемом дне были крайне противоречивы. К примеру, один свидетель признавался, что видел всадника без головы на чёрной лошади с золотыми стремянами. Другой утверждал, что, напротив, лошадь была белой, а всадник имел две головы. Третий, путаясь в словах, намекал, что хотя ввиду крайней опасности, он не смотрел на грохочущего по булыжнику всадника, но успел заметить, что тот ехал на осле без хвоста, а в руке у него был светящийся латинский крест, похожий на фаллос. Несколько психиатрических больных явились с повинной, утверждая, что это они устроили памятные скачки, сбежав из лечебницы. Они наперебой с пеной у рта твердили про римские квадриги.

Мы не будем спорить со всеми участниками прекрасного представления, устроенного Гитболаном для великого города, а только скажем, что Гитболан был действительно в блестящем чёрном плаще, с плёткой в руке. Мчался он на кологривовском вороном тяжеловозе, отчего, вероятно, и стоял такой гром по округе. Других деталей горожане, как и должно было быть, не заметили, а зря: охрана Гитболана, летящая над крышами Проспекта в каменных ступах, две голые бабы на мётлах с собачьими головами у поясов и гигантская сова, летящая следом – несомненно, поразили бы их обывательское воображение.

## Глава 7. Невольные свидетели

Вечером того же дня жители Патерстоуна, славившиеся спокойствием и меланхоличностью, поневоле стали свидетелями шоу, которое они приурочили к юбилею города.

Ах, юбилеи, юбилеи! Кто вспоминает, что триста лет назад простой мужик Сидор был оторван от семьи, взят в колодки под каким-то незначительным предлогом и насильно пригнан в тюрьму, а потом отправлен под открытым небом строить город в болоте, где до того жили одни лишь кулики да лягушки. Кто вспоминает о страшной судьбе Сидора и миллионов таких же, как он. Никто никогда не узнает, где и в какой час взошёл бедный, нерасторопный Сидор на свою Голгофу, где нашёл Сидор свой негаданный конец – убили ли его за слушание парубки царя, посадили ли его в тюрьму, где он окошел от туберкулёза и плохой еды, заснул ли он на стропилах нового сооружения, да и звезданулся, как говорят, на камни – никто об этом уже никогда не узнает. Исчез человек, как не было. Да и кому нужен и интересен этот маленький человек? А может, и не было никакого Сидора, раз не было бумаг о том. Это слишком обычная история для этой страны, чтобы о ней вообще следовало говорить. Миллионы загубленных абы кем лежат здесь под кустами, никем не захороненные. Кто они? Когда их убили? Кто знает?! Пройдёт триста лет, и не вспомнят никакого Сидора с его нелёгкой

жизнью и с его страшной смертью, а вспомнят ненормального царя с дёргающейся в тике щекой, вечно сжатыми добела кулаками, царя, удумавшего-таки возвести в малярийном болоте восьмое чудо света на потеху сонной Европе. Что Сидор? Могилы таких Сидоров и Прокопов на каждом углу моей поющей страны, обо всех не упомнишь.

«Сидор... Пидор...» – пошутит какой-нибудь губернатор, поправляя несуществующую треуголку на голове. Да и не надо, может быть волновать сердце взволнованного читателя тяжёлыми воспоминаниями. Живым людям нужна радость, а не упоминание общественных несовершенств и преступлений.

Не дождавшись хлеба и вина из царских подвалов, все в городе ждали зрелищ. И Гитболан одарил их зрелищем, забыть которое смогут не все, даже если некоторые и захотят.

Началось всё с того, что вечером, когда последние лучи заходящего дня ещё играли в небе, на Пивском бульваре ударила с одной стороны одна литавра, с другой – другая и, смешав проезд, по камням покатались какие-то карлики, лешие, в общем, вся нечисть, которой бабушки в Патарстоуне пугают малолетних детей. Все, конечно, поняли, что это переодетые актёры пришли развлекать народ. Они бы и сошли за актёров, да только уж дюже плохо пахли. Люди на проспекте затыкали носы, забегали в низкие подворотни. Запах был силён.

А потом разом зарокотали барабаны, и семь сверхсильных

прожекторов выхватили из черноты неба фигуру в чёрном блестящем плаще, в чёрной маске. Осторожно переступая, фигура двигалась, как будто по проволоке, пересекая проспект по диагонали. Вверху, над городом, в свете прожекторов шёл, легко балансируя тростью высокий стройный человек в цилиндре и длинной блестящей чёрной накидке, которая без всякого сомнения должна была ему мешать, но ведь не мешала же, не мешала. На морде у него была какая-то корявая средиземноморская маска в форме то ли раковин, то ли морских коньков, то ли ещё чего.

Человек, предпринявший такое крайне рискованное путешествие, балансировал тяжёлой тростью с набалдашником в виде головы змеи.

Сзади, едва поспевая за ним, семенил толстый брюзга в грязной хламиде с закатанными рукавами и худосочный тип в некогда интеллигентской косоворотке, подпоясанный красным рушником. На груди его красовался целый иконостас орденов разных времён и народов.

Находящимся снизу не было слышно ни слова, а между тем двойняшки, семенившие следом за Гитболаном по шаткому тросу, на этот раз слов не жалели.

– Нерон! Бл! Что за крики?

– Ветерану вlepили пощёчину по левой обожжённой войной ягодице! Влудили по самые помидоры! Развлекай их тут! Я аристократ, а не клоун в погорелом театре! Я покинут навеки!

– Что случилось, старина?

– Мила Навзнич! Живая поэма тридцатых! Она умела всё!

В молодости она играла в массовках, плясала в клубе, гасила свечи причинным местом и рассчитывала получить за своё искусство всемирную славу и место в Пантеоне!

– В Пентагоне, может быть? – подправил Кропоткин, пальцем указывая своим очкам на их истинное место и размахивая руками то взад, то вперёд.

– В Вестминстерском аббатстве! Она ушла от меня навсегда!

– Да где ты её надыбал?

– В Хорватии! Несмотря на то, что в поисках своего я эта женщина перепробовала небывалое количество мужчин, мои симпатии были на её стороне. Я не мог не поощрять доступными ему методами столь упорное стремление к совершенству и гармонии. За доброту и лояльность в то время мне было широко и обильно воздано теми эфемерными и быстро портящимися удовольствиями, какие здоровые мужчины делят со здоровыми женщинами. Причудливая игра половых инстинктов и воспитательных методов педагогов-новаторов с крепкими шевелюрами! У неё с математикой нелады – на одно одевание два раздевания! Ах! Мила Навзнич! Мила Навзнич!

Кропоткин нахмурился. Под видом настоящей любовной истории ему влуживали бородатые анекдоты.

– Ладно! Не надо вдаваться в прострацию, – сам уле-

тел в эмпиреи Кропоткин, видя отчаянье товарища, – постарайся забыть и вообще... Больше цинизма, господа! Раз! Раз! Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Напра... нале... ву!!! Агам Арш!

– Куда? – схватил за фалду задумавшегося канатоходца Нерон.

Внизу ахнули, хотя понимали, что тут тщательно подготовленный трюк.

– Чёртова проволока! Не доведет нас до добра шуточки с этими кретинами! Шеф играет с огнём! В сорок первом году такие же шуточки немецких лётчиков с девицами на фанерных этажерках приводили иногда к беде! Мы дошутимся!

Нерон уставился в ошалевшие глаза Кропоткина, извивавшегося на проволоке, и гадливо засмеялся.

– Я им ещё покажу своё лучшее шоу! – погрозил в пространство Нерон.

– Что вам угодно, – ласково рокотал ищущий жизненно-го равновесия Кропоткин, – нарывы святого Маэля, Парижская лихоманка 1602 года, Кубинский сифон? Могу предложить быстроедействующий токсикоз Манго-Джерри, дивную лепру Траппа, сухотку Фредди Крю, знаменитый Нью-Йоркский энцефалит, святую Токийскую экзему, злокачественную дифтерию Добронравова?

– Всё! Всё! – было ему ответом, – Не надо мелочиться! Колом обойдусь!

## Глава 8. Въезд на осле

Наутро угроза была выполнена.

Чудный день, солнечный и тёплый надвигался на город.

Воссев на мула, жестикулируя и активно проповедуя на остановках свою новую веру, по седьмой линии Патарсто-на, двигалась странная процессия. Пётр Пустынник в медве-жатине на голое тело ехал первым верхом на мускулистом осле, преступавшим мелкими шажками. Второй шествовала святая дева с красными щеками и таким же носом. Ко все-му прочему она была оснащена крыльями за спиной. Даже сквозь бездарную шпаклёвку было видно, что она чертовски красива. Грудь Терпсихоры и ляжки Дианы могли бы свести с ума кого угодно. Процессию замыкала связанная рабыня в набедренной повязке. Руки у неё были связаны верёвками. Смеркалось. Было страшно, по-зимнему холодно, и дама в перьях шокировала многих. Первый был кос, вторая хрома, третья безумна. По крайней мере, так выглядело со сторо-ны. Сколько душевных усилий потребовало это перевопло-щение – никто не знает и никогда не узнает, но мы только можем предполагать, кем были эти люди. Если они на самом деле были людьми...

Сзади процессии, извергая клубы вонючего дыма, ехал настоящий английский клёпаный броневик с резными ба-шенками, похожим на стрекозу благодаря огромным окуля-

рам, типом в люке. Они свернули и скоро оказались перед наглухо закрытыми воротами, отделявшими бывший институт благородных девиц, а ныне святуго святых власти — Патершуз.

Патершуз был в прошлом институтом благородных девиц. Однако с тех пор, как последние девицы обрели вечный приют на заграничных кладбищах или отрогах Барнанкалья, в здании поселились чиновники.

Об этом, конечно, знали наши приятели.

Их уже стерегли цивильные граждане сан Репы, в шляпах с чужой головы и в одинаковых плащах с чужого плеча.

Агенты бросились к табору, и первой на их пути оказалась баба, знакомая по служебным фотографиям.

С криком: «Насилуют! Смерды!» она распустила на груди до пупа свою ротонду и широко расставила руки в перчатках и ноги в чёрных сапогах. Под располосанным платьем, как это принято у приличных женщин, у неё ничего не было.

Вряд ли, мы уважаемые читатели, узнаем в этой разнужданной особе рафинированную Ленни Рифлен, а если узнаем, то только внимательно приглядевшись к её не на шутку изменившемуся облику.

Охранники разом выбросили из штуцеров липкие сети, и сети на секунду накрыли ослов и людей. Бросившись вперёд, бравая команда скоро убедилась, что под сетями барахтаются ослы и три полковника без штанов, невесть как туда попавшие, причём один полковник был с предварительно

проломленной головой. А тут и на самую охрану гомонящий тип накинул сетку.

В самом здании в это время не происходило ничего сколько-нибудь интересного, если не считать приставания в пыльном складском помещении.

– Фитофтора Ивановна! Фитофтора Ивановна! – пищал высокий кадыкастый тип, – Я вожделею! Я сам не свой! Хэлп ми! Всё, что угодно за три минуты полного неопишуемого наслаждения чувств! Гив ми!

– Гермафродит Павлович! Что там за шум? Я испугана! К чему ваш птичий язык? – донеслось из чудовищной, донельзя тоскующей женской груди, – Скажите всё прямо! Хотите ли выменя и как? Довольно! Уйдите! Ваши поползновения предо мной вызывают у меня трепет моего полного презрения!

– Нет, нет! Не гоните меня поганой метлой вашего равнодушия и остракизма! Я умру без вашего адюлтэра и лодыжек!

– Лодыжки есть и у вашей плюговой Сони Мавлиной! Их сосите! Её щупайте на субботах! Я вам не шлюха, я работница предприятия!

На этом разговор бы и не кончился, если бы не вторжение бригады Гитболана.

Ворвавшись в проходную Патершуза, Нерон заорал официальным фальцетом, переходящим в благой мат:

– Херувинков! Не спать в хомуте! Случалось страшное!

Свинья окатилась! Кошка поросится! Всё катится в тартары! Вулканы заговорили! Нападение на Патершуз силами до взвода! Звони в трещотку, Лютера зови!

– Что? – выпучил глаза охранник, удивлённый более всего знанием его фамилии каким-то проходимцем. На секунду охранник опешил, пропуская бегущую дикую толпу каких-то цыган через штaketник и краем глаза видя оборванные провода телефонов внутренней связи. Он стал давить на кнопки, но они все были заклинены.] \

– Ах, чёрт, измена! – осознал наконец истинное положение вещей доблестный охранник Херувинков.

Больше он ничего не запомнил, потому как удар милицейским кастетом, нанесённый сердобольной рукой Кропоткина, навсегда уложил его в узком проходе будки.

– Простите меня! Передайте товари... – были последние слова доблестного хранителя.

– Что это? – спросил Гитболан, – брезгливо рассматривал жёлтые кружки, разложенные на столе начальника.

– Это колбасный сыр!

– Что?

– Колбасный сыр! Не надо пугаться! Всё не так страшно! Его делают из съеденной ранее колбасы!

– Я знал это и без вас!

Раскочегаренный броневилок в это время, разогнавшись из последних сил, вцепился в ворота бывшего дамского учебного заведения и вынес их с другой стороны ограды. Он оста-

новился на широкой лужайке и только там перестал таракать.

– Что вы? Что вы? – изменившимся голосом наговаривал в телефонную трубку Гитболан, – Какая стрельба? Здесь идёт съёмка нового фильма про славные годы борьбы и подполья! Про Членина! Нет-нет, что вы? Нам нужно всего лишь заснять его тронную речь и снять крайне важный для фильма эпизод попытки захвата здания знаменитыми парижскими белоэмигрантами! Вы разве не в курсе? Да, получено разрешение! Где? Вот оно, у меня в руках! Вы сами знаете! Неужели же вы думаете, что музейный броневик способен стрелять? Он и ездить не умеет! Вы что, смеётесь? Съёмка, я говорю! В каком фойе! Ладно, я даю трубку охране.

И ещё раз изменившимся голосом Гитболан сказал с южным акцентом, иронически взглянув на поверженного в бою: «Это я, Хэрувынков! Тут всё нормално! Все бумаги на месте! Подпись Андрея Павловича на месте! Ладно, выясню! Харашё, прекрацу! Сёмки! Фильм по заказу властей! Разоблачения. Да! В холле? Пасматру! Нет, там всо нормално!»

А чего там было нормального, он и сам не знал. В самом здании охрана была уже в курсе происходящего и играть в дурацкие игры не собиралась. Нерон, вырвавшийся из кильдима на оперативный простор, был встречен шквальным огнём с первых этажей охраняемого здания. Пули попадали в него по-видимому все, и было хорошо видно по его

лицу, сколько страдания доставляет каждая из них его телу и душе. Он хватался за грудь, вынул глаза и аккуратно спрятал их под полу, подносил к пустым глазницам окровавленные пальцы, вставал на колени, падал и поднимался, перевязывал лёгкие ранения носовыми платками, и так продолжалось до тех пор, пока не доковылял до парадного входа. Тут он окончательно сверзнулся с лестницы и упал со страшным грохотом в подвальный люк. Бросившиеся к люку бойцы его там почему-то не застали, а только услышали звук рвущихся в здании гранат, шипение ранцевого огнемёта и дикие крики сотрудниц Отдела Ценностей и Щедрот. Нерон выполнил свой долг до конца! Один бился он с целой армией. Один против немислимой силы, готовой уничтожить его по первому приказу! И победил. Когда крики и стрельба смолкли, запахло горелой резиной, из разбитого кильдима к зданию устремился теперь петляющий, как заяц в первую брачную ночь, хитрый Кропоткин, потом прошёл Гитболан нервной походкой, прилизывая знаменитую венскую чёлку, а потом уже и дамы.

– Мэр – та ещё штука! От него так и жди сюрпризов! После того, как у него украли его фамильные драгоценности, он хранит ключи от сейфа в заднице! Так надёжнее! – докладывал Кропоткин, более знакомый с нравами, господствующими в Сан Репе, – Такие сейфы я ещё не брал!

– Да поможет ему бог! Да поможет ему бог сохранить нажитое! Да поможет ему бог сохранить нажитое нелёгким

трудом! – отвечал Нерон.

– В этой стране никому ничего никогда не удавалось сохранить и никому не удастся! Но хранить ключи в заднице – правильно! Это – красиво! Так делали спартанцы в битве при Ноа! Ты в курсе, что это была за битва?

– Конечно, тем более я в ней сам участвовал кирасиром! Быстро миновав разгромленное фойе с кучей трупов, компания свернула на широкую, украшенную ковром с изображённым на нём енотом, на лестницу.

На втором этаже Нерону пришлось разбросать целую баррикаду из канцелярских столов, прежде чем он ворвался в приёмную мэра, но того и след простыл.

– Ушёл, мать его! Кропоткин! Гони на третий! Там шум слышен! Чую! Там!

Кропоткин послушался и рванул на третий этаж.

Что же увидел на третьем этаже Кропоткин? Первым делом он увидел вывеску «Организация «Границы без врачей»». Он увидел там сущий бардак. Из-под вывески маленький отчаянный охранник ошпарил их очередью, и продолжал стелить, пок Нерон не схватил его лапами и не откусил руки и голову.

В колидорной дали исчезали:

Крисп Обрыгалов – постельничий, Ферапольт Облевалов – мейнстриптер, Крюша Манюйлова – пария при дворце.

Кропоткин суетливо заглядывал в углы, ища начальнику славы, а себе – трофеи! Заглянув за коричневую дверь, он

сразу же выскочил назад:

– Это профессор Косточкин! – радостно доложил он голосом музейного гида, – Вернее его останки!

Весь окровавленный и оборванный до пупа, появился перед бугаём в зеленой форме Нерон и с криком: «Где Кирипкина, сука? Люблю я её! Люблю!» шарахнул охранника в голову так, что у того мозги брызнули на бюстик зачинателя марксизма-ленинизма. И ворвался в следующее помещение.

Это был настоящий штурм, рядом с которым штурм рейстага выглядит, как жалкая пародия! То, что нам вместе с Кропоткиным и Нероном удалось увидеть – это истинное счастье, счастье, неповторимое, может быть никогда в жизни!

Стоит ли описывать в столь важный момент апартаменты? Стоит! Стоит, господа!

Это была контора-кабинет с двумя столами и сейфом. Справа по входу капитан лет сорока с неприветливым лицом Великого Инквизитора сшивал столетнюю, судя по виду, папку с документами. Пришлось сшибить его бронзовым пресс-папье. Следователь Портнов – лицо простое, грубоватое, без интеллигентности вылетел из-за другой двери с пистолетом, и не сносить бы Кропоткину головы, кабы Портнов не поскользнулся на мышинном дерьме и не влетел головой в стену. Сзади маячил ещё один типчик, но недолго. У Тохтамышева внешность была особенная, сыщицкая, сдвинутая с загорелого лба на затылок форменная фуражка, не стро-

гая, какая-то домашняя, с белой кокардой, примятый мундир. Былы, да сплыла, потому что пока сы тут пели дифирамбы Тохтамышеву, его не стало на свете. Буквально до того момента, как в здании началась стрельба и крики, он упорно читал книгу «Секреты параболического испражнения». Увидев, что Портнова пришили, Тохтамышев не стал испытывать судьбу и выпрыгнул в окно с криком: «Не сдамся, суки!»

Справедливо говорил поэт: «так кончается земная слава»  
Так она и кончилась у нашего нового знакомого.

Мэр оказался спрятан в кладовке при сортире и выдал его раненый охранник, которого Кропоткин, не любивший предателей, тут же тихо задавил целлофановым мешком.

– Кто этот добрый человек? – спросил Гитболан, закатывая глаза к небу.

– Он мясник. Во время войны обстоятельства и воля властей заставляют его подрабатывать в должности тюремного палача. И тогда он, как прежде, вешает тех, кого очередной режим избрал своей парией.

– Зачем ты стал губернатором? У тебя интеллект сторожа и манеры сутенёра. Зачем? Так делают подлые люди, склонные... – в сугубо театральном стиле начал Гитболан, постукивая тростью по полу. – Да! Склонность к философии иногда сочетается со склонностью ко лжи. Я всё могу понять, в конце концов я могу понять, почему он мочится в избирательные урны, ворует битый шифер со свалок, номерует

стеклянные баночки для лекарств и складывает их в кладовку. Я всё могу понять, но не это! Внутренне я заломил руки, хотя моё лицо спокойно, вулкан я изнутри, готовый к извержению. К барьеру, чмо! Вызываю тебя на честный бой! Мокрица – против сна, воображенья, бесплотных духов и стены из грёз! В иных сраженьях – побеждал бандит, а в этой битве лучший победит!

– Сударь, – влез Кропоткин, тоже обращаясь к связанному бюрократу, – я тоже бросаю свою дырявую перчатку в ваш невымытый, сопливый нос, и вызываю на честный поединок! Извольте к барьеру! Ваше воинствующее невежество вас не может извинить! Вы оскорбили женщину действием и должны быть наказаны тем же! К тому же ваша власть омерзительна и более нетерпима! Вы смещены со своего поста и направляетесь в Бастилию для перевоспитания! Ясно? Вы больше не мэр!

Кропоткин уткнул в живот тяжёлый мушкет и стал допрашивать арестованного.

Арестованный тяжело дышал и плевался зубими.

– Ах, вот в чём дело! Да я и так не мэр! Вы что-то путаете! Я помощник мэра! Товарищи!

– Что? – удивился Кропоткин, – Как не мэр?

– Да не мэр я! Не мэр!

– Ты не мэр? А где мэр!

– К барьеру, чмо! Во время страшной бучи тому не повезло, у коих нет падучей!

– Не знаю! Ушёл через подземный ход! Как только стрелять стали, так он ушёл! Посмотрите в его кабинете – в шкафу – лаз! – сказал патерстонский пленник и выплюнул тридцать третий зуб.

– Гошпода! Прошу ваш! Отпустите меня ко всем чертям. У меня выбиты жубы!

– Башковитая свинья! – сказал Гитболан, почесав макушку и обративши блестящий смеющийся взор к весёлому Нерону, – Зачем ему зубы? Он и так питается грудью своей секретутки! Знаете эти древние способы омоложения? Женщину надо жалеть, молодой члэк!!! Жалеть надо бабу, а не зубами её кусать! Верю тебе, отрок!

Но в комнату прошёл и сам всё проверил. Лаз был и в самом деле. Из него пахло кровью, потом и слезами.

– Я вам пизжу? Чего же боле? Что я могу ещё сказать? – процитировал Кропоткин, – Шеф! Это правда – не мэр! Я чую! Он не пахнет мэром! Что с ним делать?

– А почему сразу не сказал, ежели не мэр? – приступил к горлу злоумышленника Нерон.

– Я испугался! Стрельба кругом, дым коромыслом! Пандемониум полный! Я смешался!

– Ну ладно! – сказал Гитболан миролюбиво, – Не мэр, так не мэр! Но женщину ты, сука, всё же обидел! Зачем ты обидел женщину? Злодей! Перетрахину обидел! Кикимору Пафнутьевну обидел. Синагогу Адольфовну Смяткину обидел. Рынду Порфирьевну Чох обидел. Дору Проволочкину

страшно обидел. Взять его!

– Я защищён!

– Чем? Чем ты защищён?

– Защищён! —упирался допрашиваемый, – позовите аво-  
кадо!

– Признавайся! Чем же? Чем ты защищён, Клон?

– К-к-к-к-конституцией!

– Чем-чем он защищён? Я не понял!

– Я не знаю! Сами разбирайтесь! Может, его на детектор  
лжи насадить?

– Он? А кто это такой?

– Он сам не знает, чем! Буробит что-то несусветное!

– Как вы относитесь к слонику Думбо?

– С глубочайшим пиететом и почтением!

– А к конституции?

– Смотря к какой! К конституции, под пологом кото-  
рой крадут сбережения у мирных граждан, я отношусь  
с нескрываемым подозрением!

– И правильно! Ибо в основе основного закона государ-  
ства должны быть положены краеугольные камни справед-  
ливости, а не абы что! Что с ним делать?

– Знамо чего! На бубуку его!

– Мы верили в него, а он растратил свой талант на юно-  
шеский онанизм и прозябание. Мы верили в него, и чем он  
нам отплатил? Наклад У Прозерпины в алтаре! Афины обес-  
честил содроганьем! Доил коров и наши кошельки! Так в ка-

замат его! – брызнул слюной Кропоткин.

Нерон посмотрел на Кропоткина с недоумением.

– Дурак ты! Вермахт от бундесвера не можешь отличить! Говно отконфетки не может отличить? Или наоборот, конфетку отговна? Не можешь! Не может бундесвер от вермахта отличить! О-о-о! Плеоназм грё...! Научись по сан реповскому говорить сначала! Подонки! Негодяи! Один в лазарете, – двое в Назарете! – возгласил он осуждающе и стало ясно, сколь многое он осуждает в этом мире.

– Paris, Avinion Zhorasena, 13. Я вспомнил, чёрт подери! Да дави же его! Я вспомнил! Гуманизм проявишь потом, когда он сдохнет. Добродушие – на помойку! Не те времена!

– Какую женщину! Как дави? – залопотал опешивший без пяти минут глава города Патерстона, ещё секунду назад полагававший, что спасён, а теперь ошущая, как зашевелились на его голове волосы. – Вы совсем ...нулишь?... Убира...

Но ему не дали договорить. Не дожидаясь реакции противника, ряженный киноактёр погорелого театра выхватил невесть откуда взявшийся большой медный таз на длиннющей ручке, предназначенный для варки крыжовенного варенья, размахнулся и что было сил опустил его на голову несостоявшегося интеллигента и состоявшегося помощника мэра. Набатный звон ударил и распространился по округе, поднимая население на бой и подвиг. Зоркие глаза чиновника пошли в разные стороны.

Так—то пригодился и инструмент, прихваченный ко-

гда-то из музучилища ворюгой Кропоткиным.

С криком: «Ну что ж, сыграем и споём, Корявый! – Кропоткин со всего размаху обрушил бесценную скрипку Страдивари на голову уже придушенного тазиком градоначальника. Пискнула дека. Запели античные струны. Полетела бесценная щепка. Лак зашелушился. На важной голове в одну точку сошлись глаза.

Говорил, говорил великий поэт о том, что только с третьего шелка вышибло ум у старика. А у этого молодого с первого вылетел, а быть может, и не было никакого ума у Патерстоновского помощника мэра, кто знает? А помощника мэра уже и не было. Было его бездыханное тело.

Ряженный Нерон оказался с бичом в руке поблизости. Он вопил с характерным прононсом и лупил чувствительным орудием по головам то ли буржуев, то ли чиновников, которые разбегались от него с жалобными гагачьими кликами.

– Упустили! Это ты, Кропоткин, упустил! Тут у них вертеп целый – шкафы с потайными ходами, катапульта в слуховом окне, слуги народные, мать их! Запорою в штольне! Ёсить!

– Ладно! Кончай! Поймаем! Не иголка в лепёхе, не уйдёт! – прошипел Гитболан, боевито сжимая кулаки. Потом вздёрнув приклеенную бородку, проследовал в следующее помещение.

Там он вытащил из-под стола какого-то типа. Язык, схваченный крепкими ручонками Кропоткина, извивался, как

змея и был эмоционален, как самовар. Он видимо не разобрался, в чьи руки попал и посему нёс всякую околесицу.

– Сознаюсь! Каюсь! – кричал он с перекошенным лицом, вращая мавританскими глазами, – Всегда хотел порушить такое государство! Ничего в нём хорошего нет! Каюсь! Ловите! Вяжите! Везите! Немцы – в земле! Шведы – за морем! Монголов – в помине нет! Всё, что угодно, только не это! Надежды не было и нет, ни на кого! Я проиграл! О боже! Сдаюсь!

– Да нет, – мягко сказал Гитболан, прослушав текст, Не надо каяться! В этом каяться не надо! Вот что, милоч, иди-тко-ты домой, спрячься там, и сиди семь дней тихо, чтобы мы случаем тебя снова не зацепили! Чего спужался? Не всё же кругом враги! Иди домой и никогда больше не служи такому, даже если тебя пороть стануть, не служи! Такому нельзя служить! Даже голодно будет – не служи! А хлеб тебе найдётся! Иди!

– Есть! – отчеканил чиновник, и исчез, приложив два пальца к растрёпанной шевелюре.

В актовом зале нарумяненный вождь мирового пролетариата вскочил на стол под огромным гербом города и кривым картавым ртом проверещал нечто похожее на Нострадамусовы пророчества.

Товагищи! Бгатья! Сейьги!

Из трёх баранов в год Козла

Останется один,  
Погибнут черви без числа!  
Король уйдёт с перин!

– Им Германию отдали, так они через пять минут пришли картины трофейные клянчить, совести никакой! – шипел Кропоткин другу.

– Неужели? – удивился Гитболан, – Неужели? И это мои наследники? Вах-вах-вах!

– Они считают жителей Сан Репы за полных кретингов!

– Очаровательно!

– Оч-чень импозантно, я бы сказал!

– Слепой петух забудет трель  
Тритон прильнёт к цевью,  
Когда безногий менестрель  
Забудет мать свою!

А римский тиран и известный анархист продолжили спор.

– Слушай! Я говорю! Вернее, это не я говорю, это мировой дух говорит моими устами!

– Надоел, твою мать! Козлодамус!

Наследник трон свой не найдёт,  
В тумане сгинет рать,  
И стая птиц накроет флот,  
В местечке Голомать!

Теперь ты понимаешь?

Я ему говорю, а он и ухом не моргнул.

– Кто знает, что нас ждёт? – кричал задыхающийся Нерон.

– Вы множите абсурдизм в наших рядах!

– Насрать!

– Я бы оскопил вас, синьор, – обратился Нерон к помпезному портрету на стене, не зная, что это портрет известного учёного 17-го века Микеля Выдриглазова, – кабы не билль о Правах, столь односторонне трактующий презумпцию яиц. Двух, позволю вам напомнить, двух!

– Безумие само по себе ещё не повод для мальчишеских насмешек схоластов Пидорской школы. Пизанская башня. Отклонение по вертикали – 14 миль! Изумительно! Кажется всё?

Прикурив газетой «Демократический Патерстон» вонючую сигару, Нерон вернулся на второй этаж, обвалил шкаф и запалил бумаги на столе у мэра, после чего удалился. Гитболана возле двери уже не было. Как по команде из многих окон приснопамятного здания вырвался огонь. На зелёной лужайке перед колонным домом с лакированного броневичика снова чревоवेशал Гитболан, блистая своими бледно-голубыми глазами. Он размахивал руками и вытягивал приклеенную бородёнку. Тезисы его речи были не новы: хлеб – голодным, землю – крестьянам, фабрики – рабочим. Государство Сан Репа – на ...! На голове грассирующего красавца сидела покосившаяся мятая кепка. Кропоткин, прильнув

оком к доисторической камере, крутил ручку и перебирал ногами так, как будто ему срочно требовалось посетить туалет. Иногда он отрывался от своего занятия, чтобы поднять большой палец кверху, показывая своё восхищение шефу. Когда в здании что-то взорвалось, Нерон бросился врассыпную, Кропоткин в мокрых штанах как сквозь землю провалился, а Гитболан легко соскочил с броневишка на газон, сделал кувырок и оглядываясь, побежал вдоль чугунной ограды. Добежав до поворота, он раскрыл фалды своего накидона и, дав петуха, взмыл в мутноватое северное небо.

Что касается Кропоткина, то нашлись свидетели, видевшие на Большом Проспекте. Там он преградил путь одной импозантной даме и сказал, глядя ей прямо в глаза:

– Преступница! Я вас убью!

– За что? – пролепетала Испуганная, широко раскрыв глаза.

– Вы закрыли свои ноги! Что вы делаете? Зачем вам юбка, Ассоль?

И подхватив почти ничего не соображающую белокожую женщину, не дав ей даже охнуть, испарился вместе с ней.

Если бы Алекс видел эту сцену, он бы, разумеется, очень смеялся. Он сам однажды имел лёгкую и очень запомнившуюся встречу с чудесной, случайно встреченной женщиной. Неглупая и весьма порядочная, она сказала ему после, чтобы он в самомнении не заблуждался, думая, что она принимает все приглашения.

Через два часа на месте прискоробного преступления фашиствующих молодчиков, как их тут же обозвала газета «Вечорка», суетились несколько хмурых типов с рулеткой и фотоаппаратом. Быстро нашли поверженного охранника, едва пришедшего в себя, но заикавшегося.

– Этот толстый – повествовал зарёванный Плюшев двум хмурым типам в одинаковых плащах, – понёс какую-то ахиною, что я опешил, – он мне сказал чушь какую-то: «Ну, ведь сдал же ты бутылки!» и пока я соображал, о чём он говорил, он бацнул мне со всей силы портфелем в ухо и я вырубился. В портфеле у него небось кирпич был! Весёлый был, паскуда, общительный, раблезианец. Слюни по подбородку, глазки-щёлки! Ля-ля! Ля-ля! Картавый! Ничего понять из его слов нельзя было, до того картавый! И всё умника из себя изображал. А может, вождя мирового пролетариата пародировал! Мол, ребята, я доподлинно знаю, что вам и не снилось! Мол, веруйте в меня, как во второе пришествие и идите за мной, не подведу! Там, мол, кисельные берега и молочные реки. Обманул, жулик, обманул! Как я его сразу не раскусил, не понимаю! Стройная у него теория была, до того стройная, что я и сейчас не понимаю, как я его сразу не раскусил и пустил в караульное помещение власти! А оттуда они уже внутрь попали, и всё остальное случилось. Гипноз! Гипноз! Тут точно без гипноза не обошлось!

– Так он не один был? Ладно, понятно – прервал изливания Плюшева зашевелившийся плащ, – хватит нам врать, говори

правду! Тебе скостят годика два за собственноручное признание!

Плюшев зарыдал.

– Да не виновен я, я его первый раз в жизни видел! Поверьте мне, товарищи!

– Ё...й пингвин – тебе товарищ! – радостно подхватили в один голос плащи и заволокли его за ноги в чёрную машину.

## Глава 9. Выходные

Не за горами было прекрасное субботнее утро, не предвещавшее никаких новых сюрпризов горожанам. Вчерашний инцидент был забыт. Вечером Гитболан побранил участников психической атаки за самомнение.

Кропоткин раскладывал пасьянс. Карты Таро показали несчастную любовь, неудавшуюся карьеру, казённый дом и скорый конец в автокатастрофе. Для начала – неплохо!

Нерон не занимался ничем. Из того, что обязаны уметь все взрослые люди, он в общем-то ничего не умел, и сейчас предавался полному безделию, то есть не занимался варкой, жаркой, замешиванием теста, молотьбой, помолом, просеиванием, ручной и особенно машинной стиркой, вязанием, склеиванием разбитого накануне барахла, строительными работами, починкой ветхих штанов и рубашках, онанизмом, рисованием на стенах, черчением, писаньем, стрижкой бороды (за неимением), возжиганием огня святого Эльма (к чему он был очень предрасположен), раскрытием ткани и черепов, рыбной ловлей, уходом за газоном, сбором плодов, поливом растений, переносом предметов из частных владений в общественные и наоборот. Единственное занятие, которое Нерон смог себе позволить – это заняться маникюром ногтей. Да ещё пару капканов на милиционеров поставил. А так Нерон в этот день ничего не делал.

В телевизоре резвился патластый виолончелист. В Берлине он играл на органе из швабских сосисок, на английском рожке из кислого теста, а закончил всё игрой на треугольнике из гуано и сливочных кизяков. Над городом Вшивенбергом летали надувные ситные шары, и голые девки на велосипедах клаксонили и сбрасывали в толпу гнилые парики и куски разноцветного целлофана. Новости.

«Совсем с ума сошли, гниды! Развлекаются! Когда они сжирают порцию суши, я только начинаю угрызать сушку. – подумал Нерон, – Надо написать Марте».

«Клошменбург, Бубликенштрассе 666, пост-оффис 3—2—2—2—3—3. Бабуле Марте» – вывел он на бумаге.

И так бы продолжалось и далее, если бы Гитболан не подал зычную команду:

– Нерон! Заводи лошадей! Едем!

– Куда? – растерялся Нерон, – Шеф, утро ещё! Петухи спят!

– Это в Нусекве петухи спят! Не задавай глупых вопросов! В дорогу!

И странная троица растворилась в воздухе.

А где были бабы в это время мы так и не узнаем.

Цокот прошёлся левой стороной улицы и стих.

Все поёжились.

## Глава 10. Подведение итогов

Вечером Гитболан сидел в японском халате на положенном месте и бранил пристыженного Нерона, который стоял перед ним, как школьник перед доской, всё время потирая якобы повреждённую ногу. Кропоткин стоял тут же и тоже тёр ногу, только другую, целую.

– Я не понимаю, – говорил он, как, несмотря на мои неоднократные просьбы и приказы, не была обеспечена полная конфиденциальность нашей поездки. Что вы ведёте себя, как малые дети, господа? Ставка больше чем жизнь! Я не понимаю! Как так можно?

Нерон мялся, и если бы не встрявший в беседу Кропоткин, который ловко увёл разговор в другую сторону, неизвестно, до чего дошёл бы рассерженный Гитболан.

– Давайте я вам лучше расскажу нечто более интересное! Свой рассказ я мог бы назвать так: «Казнь соглядатая», – начал ранее молчавший, но вовремя пробудившийся Кропоткин, – Слушайте! В бытность мою в хрупком подростковом возрасте я учился в гимназии в некоем городе, названия которого у меня, как и Сервантеса нет совершенно никакого желания припоминать. Городишко был надо сказать гаденький, хотя и довольно приличный по размерам. Гаденький, как гаденьки большинство подобных ему городов. Улицы были серы, чем занимались жители, никто никогда не узнает,

даже истязая горожан адскими пытками. Количество жлобов в городе удваивалось каждые десять лет, люди приличные вымирали или исчезали. В гимназии нравы ничем не отличались от нравов, господствовавших в иных заведениях этого города, не отличались они и от нравов, господствующих сейчас в современных школах. Такая же гадость, только с греко-латинским уклоном! Поощрялось позорное доносительство. Я долго не мог определить, кто же гадит в нашем юном огороде, пока наконец случай не позволил мне этого сделать. Я вычислил доносчика дедуктивным методом. Я вывел доносчика на чистую воду. Он стучал на нас преподавателю Закона Божьего, который не имел никакого отношения ни к закону, ни к богу. В общем, мы решили проучить наушника по-божески. Когда рядом не было ни одного учителя, я попросил лишних выйти из класса, а сам вместе с товарищами завалил предателя на парту и кричу: «Саша! Дави на живот! Сильнее!». Саша старается, давит, что есть силы, а я шведскую спичку у задницы доносчика запалил, и у несчастного доносчика сквозь штаны ударила голубая струя! Человек-ракета! Фон Браун освоил законы реактивного движения гораздо позже, чем мы. Это ведь было уже в позапрошлом веке. Испугался нечестивый гимназист страшно. Даже заверещал: «Горю! Горю!» Он чуть на луну не улетел, стукач чёртов! Кстати, знаете, какую он носил фамилию?

– Какую? – спросил Нерон.

– Сосюсюкин! Не правда ли, вполне современная фами-

лия? Я бы не удивился, услышав у какого-нибудь гнилого мэра в кабинете такие слова: «А где у нас товарищ Сосюсюкин?»».

– Ты мстителен, как кобра! Соцкин! Моцкин! – завистливо пробурчал Нерон.

– Но справедлив, как ураган! Мечь – лучшее оружие язычника. Если бы люди, доставляющие нам неприятности, знали, что за это их постигнет неминуемая кара, неважно какая и от кого, они бы задумались, прежде чем осуществить свои каверзные замыслы! Всё! Я пошёл спать!

И они расстались для видимости.

А в фойе номера скоро шёл примечательный разговор задумчивого Обломова с живчиком – Николаем Островским.

– Ну, ты и даёшь! Паклина с Каплиным спутал! Видел – за нами наружное наблюдение из внутренних органов.

– Как не видеть? Видел! Да, здесь Клондайк для алхимиков! Добыча сапропеля будущего! Фекальное золото! Земляника шахт! Двое было в машине, один прятался за занавеской в противоположном окне.

– Что это за пьяница, у которого изо рта сивухой не пахнет, а манеры столь изысканны, что впору аристократам из лучших домов не знаю чего? Не пьяница это, а сексот с вшитым в кадык сотовым телефоном и ампулой цианистого пургена в ухе!

– Он может сказать что-нибудь вразумительное? – сказал Нерон, рассматривая говорящую голову на экране. Я не могу

объяснить такое косноязычие даже неразвитостью его мозга. Такое впечатление, что мы имеем дело с приматом.

– По-моему налицо феноменально классическая картина а – типичного геммороя! Больной в коме! Надеемся на исход! Сыворотка ещё не выдумана! К сожалению!

Судьба губернатора была предрешена.

В двенадцать часов пополудни каким-то таинственным способом он исчез из своего кабинета, а в четверть первого его пронесли по длинному коридору на втором этаже гостиницы.

Губернатор вырывался и кричал, что такого произвола и самоуправства, пока жив, не допустит. Но Кропоткин с Нероном так стремительно пронесли его по коридору, что он и крикнуть толком не успел, как тяжёлая дверь затворилась. В последний момент он цепкой костистой лапкой зацепился за притолоку, но Кропоткин укусил его в руку, в результате чего тот взвизгнул, а притолока была оставлена. Гитболан слышал из другой комнаты возню и спросил:

– Что там творится, господа студиозусы?

– Свинью поймали! – ответили ему в один голос неувольнимые бздители.

– А почему свинья говорит человеческим голосом?

– В школе научили! Грамоте её научили, арихметике, выговаривать буквы научили, бляди. Бесплатно! В школе! Педанты! Им не смысл нужен, а зубрёжка, нах! Аз, буки, хер, зело, ферд! У Карла Маркса украли факсы! Кал у Карла укра-

ла Клара!

– Да уж! У Карма Ларкса украли фиксу! В теперешней школе ничему хорошему не научат. Если и научат, так это пить, курить траву и трахаться четыреста семьдесят двумя способами!

– И курить двенадцатью!

– И пить семью!

– Так убей эту свинью поскорее! Мы давно без кровавых бифштексов обходимся, а собственно говоря, почему? Почему, я вас спрашиваю?

– Нельзя, шеф!

– Почему?

– Свинья – священное животное! Срочно нуждается в нашей защите! Занесена международной организацией в Красную Книгу Рекордов Гинесса.

– Демагог и басурманин! Возьму в рекрутчину, если не опомнишься! Шпицрутенами исполосую до колик!

– Всё-всё-всё! – забормотал Кропоткин, переходя на свирельный оркестровый свист, – я понял без подсказок. Не надо!

– Начинаю допрос! Итак, – начал с резюме Нерон, – Господа невидимые судьи и виртуальные пристяжные на отлёте! Я бы не стал обращаться к вам, если бы не знал о вашей природной предрасположенности к доброте и склонности к филистёрству. Но насколько ваша доброта будет логичной, если вы проявите её по отношению к этому растленному

типу, пребывавшему губернатором такого большого города и натворившему кучу дел, которые не могут расхлебать сорок сороков следователей в разных районах Патарстона... – и Нерон внезапно открыл пасть и зарычал:

– Что молчишь, гной! Признавайся, сука, в своих ошибках! Почему меня хотел убить в заливе? Даты, цифры, тайники с золотом и бриллиантами?! Единственное, что я сейчас могу вам гарантировать, так это лёгкую смерть на мясном крюке...

– Я...я...

– Верёвка от буя! Говори, фашистский плутократ! На рассказ о содеянном даю двадцать секунд! Раз! Два! Три! Говори!

Нерон с таким пафосом нажимал на слове «фашистский», что закрадывалось сомнение в его искренности.

Смерть губернатора от а – типичного геморроя потрясла соседей.

Через четверть часа, когда странная компания покинула здание, из крысиных нор стали выбираться уцелевшие чинуши. Они перешёптывались, пугливо отряхивая лапсердаки:

– Это кто там?

– Это я, товарищ Подлюкин!

– Они ушли?

– Они ушли!

Сначала был ящур. Вслед за ящуром пришла беда ещё хуже.

Не помогли защитные кордоны по границам области – прорвался коварный вирус в народные ряды, зацепил заметного человека, набедокурил.

## Глава 11. Посещение музея

После обеда приснопамятная компания, как оказалось, высадилась в полном составе в одном из залов огромного музея. Кропоткин долго вращал белые тапки с погребальными завязками, а потом завязал их на уши.

Начнём осмотр кладовой мировых искусств, пожалуй! – удовлетворённо сказал Гитболан и оживлённо смахнул преступную чёлку.

Нерон сразу же исчез из поля зрения. Он быстро пересёк две улицы и вынырнул в знаменитом Королевском Театре. Ворвавшись в театральный буфет, Нерон раскидывал за прилавком ведра и кастрюли со спитым чаем. Он искал берёзовый сок с мякотью и паштеты из соловьиных языков. Он искал то, что нужно, но там ли он искал?

А Гитболан и Кропоткин, вперившись в авангардистские шедевры, продолжили разговор, продолжившийся и в зале с признанными шедеврами.

– «Автопортрет с Саскией на коленках». Старик Рембрандт давал своим работам довольно скучные названия. «Колени на Саскии» – было бы лучше, – сказал Кропоткин, внимательно рассматривая потрескавшуюся краску.

– Насаскии-нааскии! Всё тебе цацки!

– А помнишь выставку картин дегенеративного искусства? Ну, кто в здравом уме, даже по прошествию стольких

лет, осмелится кинуть в меня камень, что я был неправ, отправив эту несусветную дрянь прямым ходом в огонь?

– Только заведующий Иерусалимской синагогой! Или продажные галерейщики, на которых пробы негде ставить! Тыфу, западная гадость – эти галерейщики! Нет людей хуже галерейщиков и банкиров!

– Вот так-то! Допёрло!

– А это что за шедевр, неведомый миру? Вау!

– Тут же написано... Художник Покусай. «Убегающая гейша». Гравюра на дереве! Не вижу обещанного дерева!

– Что за статуя? А это?

– «Гермафродита». Второй век до Новой эры. Школа Пронзителя-Пескоструйского. Копия, как явствует из маленького, невидного глазу шрифта. Я думаю подлинник, судя по коронкам.

– Не повезло!

– Далее по списку... э-э-э, кажется, «Мадонна со щипцами».

– «Мадонна со шприцем»!

– Сам ты шприц! Со шпирцем, глухомань! Товарищ, посмотри по сторонам, как много красивого здесь! Поход в музей – это не развлечение! Это тебе не бабу трахнуть! Это работа ума и души! Это выплеск э-мо-ций, это... Надо готовиться к встрече с прекрасным! Читать книжки! Вспоминать маму! Надо...

– Мадонна с шипами обнимает возлюбленного или кого?

Я чего-то не понимаю!

– Так точно! Обнимает!

– А кто счищает внутренности с шипов?

– Опять «Срущая вдова» Караваджо. Копия, что ли? Оригинал «Вдовы» мы уже видели, кажется на сблызновском развале! У них прекрасная коллекция Караваджо! Архи-изумительная! А я и не знал, что Караваджо столь неравнодушен к срущим вдовам! Удивительно добрый был человек!

– Да уж! Где Нерон?

– Прячется за «Данаей» Рембрандта ван Рейна! Только недавно эта бессмертная картина подвергалась нападению канибала в человеческом облике, и вот снова её судьба под вопросом, я что-то чую! Чую я! Чую!

– А что с ней случилось?

– Злоумышленник напал на неё с кислотой и спичками, нанеся ей тяжкие телесные повреждения в области...

И только Кропоткин сказал эти слова, как древнее полотно великой картины с треском лопнуло посередине и сквозь рваную дыру прямо под ноги Гитболана и дам выкатился ошалелый Нерон с двумя облепившими его типами. Там, где раньше на картине было изображён прекрасный живот Саскии, теперь располагалась внушительная дыра, и ржавого цвета лохмотья загибались от неё.

– Шеф! Шеф, помогите! Подвергаюсь немотивированному нападению охраны! Разве я не могу взять сувенир на память? Шеф! Я к тому же обещан! Эти двое хотят ме-

ня! Помогите! Спасите! Они маньяки и жаждут моей чистой красоты!

Сражаясь в партере за свою поруганную честь, Нерон был красен, как рак. Он был не только обесчещен, но и явно изрядно клюкнул по этому поводу.

– Что случилось в партере? – спросил Гитболан, надевая перчатки.

– Я потерял знамя! Помогите! Спасите!

– Какое знамя? Ты знаком с понятием «честь»?

– Седьмого Коксокемгольского Ударного полка! Я пошёл на репетицию оркестра! Меня окружили, я отбивался древком, был ранен, а потом порвал полотно на перевязь ран! О-о-о! Сорок минут я бился классической арфой! Я истекал кровью! Я не сохранил штандарта, но сам остался цел! Это Кропот меня подговорил! Как страшно жить! Коньяк, говорит, там хороший! Я не заметил! Ой! Помогите! Ах, вы, гады ползучие!

В доказательство своих подвигов, которые никто и так сомнению не подвергал, Нерон из кучи малы успел показать палец, забинтованный грязной цветной тряпицей.

– Будешь обижать меня, сдам в Дом Ребёнка! Слышь, Нерон! Слышал о таком? Над тобой нависли тучи! – возмутился Кропоткин, как дела на восточном фронте?

– Судьба Евгения хранила, – ответил Нерон, пряча красные глаза, – Получи, зануда!

Сперва мадам его холила.  
Потом мусьё её сменил.  
И разорился наконец.

– Страус, а яйца несёт! – как бы уважительно сказал Кропоткин. – В искусстве важны не умение или опыт, а идеализм! Да-с!

– Ты картину повредил, варвар! – горестно изрёк Гитбо-лан, – Заговорщик Цивилис! Иди в угол на три минуты!

– Это не я, шеф! Это они! Я бы рад в угол, да эти кретины меня не отпускают! Шеф, распорядитесь! Они меня доста-ли! Я не виноват! Исправлю! Сделаю! Мне пасть на колени, или простите так? Да пустите же, козлы! Как страшно жить на этой планете? О, как страшно жить!

– Нерон, не плачь! Не надо плакать! Всё равно ничего не вернуть! А ты сделаешь? Я знаю, как ты сделаешь! Когда я на смертном одре буду возлежать, абсолютно весь покрытый ярью-медянкой, ты только кисть возьмёшь в руки! Дилетант!

– «И он взял кисть, и она была хороша!» Смотри, вот скульптура, для которой не нужно мрамора и меди!

Нерон показал на два уже бездыханных тела, раскинувших в живописных позах. Это были сомнительные типы, ещё минуту назад бывшие живые и тёплые, типы, столь ревностно пытавшиеся схомутать героя.

В тот момент, когда Гитбо-лан огромными шагами помчался к помпезной двери, Нерон подхватил здоровенную

раму и с силой Геракла обрушил её на землю и со словами: «Исправлю! Клянусь телкой!»

Какую тёлку он имел в виду, навсегда осталось за кадром.

Он попытался поработать огромной иглой с нитками, тут же оказавшейся в его руках, но у него ничего не вышло.

– Ладно, шеф, на досуге отреставрирую! – с этими словами Преданный искусству Нерон бритвой вырезал остатки полотна из рамы, свернул подобно фокуснику и засунул в карман тоги. Засохшая краска так и усеяла полы вокруг. Так и усеяла! Этого злодейства Гитболан уже не видел.

– Ладно, Кропоткин! Взамен голой бабы я подарю этому музею свою лучшую картину «Похищение Сабинянок! Подарю в лучшем багете, какой может изобрести человеческая фантазия – багете, сваренном из железнодорожных рельсов! Бежим!

Они неслись по залам, сметая на своём пути всё шевелящееся. На одном из поворотов Нерон зацепился краем тоги за какой-то предмет и замешкался. Перед ним стоял погрудный мраморный портрет какой-то женщины. Волнистые волосы из пожелтевшего мрамора были аккуратно зачёсаны назад. Уголки рта приподняты в несколько насмешливой улыбке. От портрета исходил дух настоящей старины и качества без дураков.

– О Пульпия! – возопил Нерон, и всем показалось, что из рук его посыпался погребальный пепел. – Я любил тебя до свиста в ушах!

– Ого! Телеса ничего себе! – отметил Кропоткин, – Да ты не промах, тиран! Грудь колесом! Гарпия!

– Пульпия! О, если бы она знала, в каких моих эротических снах она участвовала, мне бы не было места на земле! Пульпия! Ты помнишь стихи, которые я тебе сочинил? Помнишь?

Презревши сэкс и давши клятву Богу,  
С израненной стигматами душой,  
Я вырулил на верную дорогу,  
Покрытую соломой и паршой.  
Мне было сорок, ей – двустами боле...  
В суровый час, хоть я и не хотел,  
Произошло на этом косогоре  
Соединенье наших душ и тел.  
С весёлым смехом и сердечной болью,  
Влача свой пёстрый гульф наперевес,  
Я ей дарил серебряные колья  
И фрикции своих античных чресл!  
Нет, жизни этой всё не так-то просто —  
По большей части бытие – обман,  
Она исчезла под опорой моста,  
Как фикция, как утренний туман!  
В мозгу моём осталась тень вопроса:  
«Тот консулярий? Ты осталась с ним?»  
И я ушёл, влача в котомке посох,  
Спартанским зноем тягостно томим!..

Вдали, во мраке... Нет! Потом... Что же было потом? Да! Она нашла средство от бессонницы. Успокоиться теперь ей помогал хорошо отполированный корень валерианы! Где ты, Пульпия? Любовь моя! Но... честно говоря, стишки стишками, но серьёзно сказать – это было совершенно поразительное существо. Мироззрение тли совершенно гармонично сочеталось в ней с самоуверенностью павиана. В глубине души я очень ценил её глупость! Но стишки переделывать не буду! Книгу переделывать не буду! Говно должно быть свежим!

Нерон вынул из-за пазухи кипу каких-то засаленных бумажек и принялся их сортировать.

– А вот ещё одно! Классическое!

– Не надо! Не надо! – отстранился Кропоткин, – Хватит твоей домотканной классики!

– Нет, я прочту!

Её имел я на Макария,

На святки, Пасху и так далее!

Крутые чресла,

Сверху голова,

Она меня волнует постоянно,

На свой язык переводя слова,

Что я дарил ей трезвым или спьяну.

Когда...

– Некогда!

Гитболан понукал. Нерон, раздираемый противоречивы-

ми чувствами, стоял около жёлтого бюста и плакал. Две тысячи лет было его великой любви, но не могла его любимая отметить великий юбилей, потому что и костей её уже не было в природе. Нерон нежно проводил по мраморному, щербатому подбородку, гладил холодные щёки, целовал жёлтый нос. Потом, утирая слёзы умиления, он обратился к Гитболану: «Вы знаете, я тогда написал и другие стихи! И послал ей по почте! Это было самое прекрасное письмо на свете. На бронзовой пластине размером два на три метра огромными буквами выбили текст. Письмо доставили под охраной шести преторианцев! Какие времена были, мать божья!»

– Да? – примирительно вежливо спросил Гитболан, – интересно было бы услышать и эти! Только не слишком долго! Нам ещё надо успеть кое-что сделать!

И Нерон, уже оторвавшись от холодного мрамора, стал читать нараспев дрожащим взволнованным голосом:

«Смиренье, Кротость, Звонкий Смех,

И Лёгкий Шаг, но... ах,

Ах, милый ангел – я из тех,

Кто ввергнут в прах.

Пытаясь выразить игру,

Что вижу в вас,

Я всё равно не подберу

Уместных фраз!

Будь я моложе, я б зачах

Давным-давно,

Но это... выразить в словах

Мне не дано.

Ужасно беден мой язык!

Будь дураком,

Я б к вам (когда бы мог), приник...

(Не языком!)

Когда в Сахаре (может быть)

Или в лесу

Меня попросите... попить,

Я вас... спасу!

Смиренье, Кротость, Звонкий Смех,

И Лёгкий Шаг, но... ах,

Ах, милый ангел – я из тех,

Кто ввергнут в прах».

– Всё! Пульпия! Ты здесь? Как ты сюда попала? Чудо моё! – очумело вращая головой, наконец в глубокой печали вопрошал Нерон, Предательница моя!

Ответа ни на один вопрос не последовало. На такие вопросы и живые женщины отвечают неохотно, а мёртвые – тем более. Изваяние продолжало холодно вперяться в длинную колоннаду с нишами для картин.

– Развратница! Не вынеся соблазна, Ты мерзостному гею отдалась, свои раздвинув ноги так прекрасно!... У меня терцины попёрли! Так не доставайся же ты никому, сука! – крикнул Нерон и что было сил жажнул железным кулаком по доисторической голове. Удар был такой силы, что

мраморная женщина разлетелась на куски. Кропоткин еле увернулся от нескольких увесистых осколков, просвистевших, как бандитские пули около его первомайского виска. Нерон же, потрясённый, горестно опирался на колонну и делал вид, что ему тяжело до предела.

– Ты чего же делаешь, Ирод? – испугался Кропоткин, всё ещё загораживаясь ладонью, – Нас тут повяжут за твои художества! Гермафродит.., то есть... – Герострат! Ты меня чуть не покалечил!

– Друг мой! – миролюбиво сказал Гитболан, – Не хамите своим любимым в первый день встречи! Вы ещё успеете нахамить ей, прожив с ней пару лет!

– Главное честь не потерять, совесть спасти! Слезу ребёнка не дать в обиду! А всё остальное пусть горит белым пламенем! – ответил бегущий Нерон, по пути поддавая и обрушивая пробковой сандалией витрины с камнями и пасхальными яйцами долгоиграющих династий Поднебесной.

– Накупили старья за крестьянские денежки! Гады! Сво-лочи!

Гитболан, летевший чуть выше пола, был весел и возбуждён. Ему нравился избыток адреналина в вечных жилах. Ему нравился этот чертог искусств. Нравилась его бренность.

– Нерончик! – кричал он, – Ой ты гой, по залу мечется разудалая минетчица! Не впадай в меланхолию! Впереди – целая жизнь! Всё ещё только начинается! Подрастают новые девушки, таящие в себе новые тайны и соблазны! Или то, что

они сами считают тайнами и соблазнами! Они счастливы, потому что судьба подарила им множество баночек с кремами и лосьонами. У них есть занятие на всю жизнь – мазаться этими составами и глядеться в зеркало! Интереснейший вид диких животных! Жизнь прекрасна! Она полна таких чудес, какие нам и не снились! Грянем! Нашу! Любимую! Про юного парня, до конца верного своим идеалам! Про честь, не выпускающую знамени из ослабевших рук! Про нас, ведомых провидением во тьме времён! Пусть эти гады беспокоятся и бегают! Видел, директриса музея оборвала телефон! А знаешь, к примеру, как её фамилия?

– Как?

– Как-как! Манда Такая! Вот как!

– Славянка?

– Какое там! Эфиопка с египетскими корнями!

– Странное поименование живого человека!

И уже не скрываясь ни от кого, они грянули дуэтом, я бы даже сказал, дуплетом, к которому тут же присоединился Кропоткин:

«Die Fahne hoch, die Reihen dich geschlossen S. A. marschirt mit mutig festem Schritt. Kam-ra-den, die Rot – front...»

И живой незримый оркестр из тысячи скрипачей старательно и весомо выводил весёлый мотив. И мальчик – ударник грохал мохнатыми палками в истёртый барабан. И дирижёр откидывал венскую чёлку со лба, будто вонзая палочку в своих заклятых музыкантов.

Откуда это всё взялось? Где это было до того? Почему я всего этого не знал? Боги мои!

А следующий припев певчие дрозды рванули так, что задрожало всё кругом. Люстра зазвенела хрустальными помощами и грянулась в зеркало пола.

В соседнем зале тревожно забегали ясельные нянечки, а потом снова бросились звонить во все колокольные инстанции.

В нескольких залах и в администрации музея разрывался телефон. Мол, гадость-то какая случилась, не приведи, господи! Старушки взывали голосами средиземноморских сирен и плакальщиц.

Ждать полиции пришлось, но недолго – часа полтора с гаком.

Она уже была тут как тут, недрёманная.

Их чуть не настигли в буфете, где всегда работал ночной распределитель для важных персон. Но Нерон так ловко закидал нападавших кремовыми пирожными, что они поневоле отстали.

На некоторое время отступающих потеряли в густом дыме, невесть откуда взявшемся.

Тут на сцене снова появился персонаж, уже виденный нами в Летнем Саду. Если мы помним, милиционер дал ему условное поименование «La Pushkine», которое в дальнейшем переключало сначала в уголовное дело, а потом – в листки «Их ищет «Интерпол»».

Некоторое время преступный Ла Пушкин крался вдоль стены административного корпуса музея, пугая прохожих баб ярко-зелёным лапсердаком, на котором гнездились обширные жирные пятна. Не надо спорить, это был вылитый Пушкин. Большая забинтованная голова. Белые лакированные башмаки с подвёрнутыми носами. Гигантская шапка курчавейших волос вздымалась над поднятым воротником и бинтом. Грязная давно немытая, красная рубаха. Мясистые уши беззащитно оттопыривались. Чёрная пиратская повязка на левом глазу делала сходство абсолютным. Трость приковывала взор.

В темноте его зад светился, как луна, а его лицо выглядело чёрным, как у негра во время гражданской войны между севером и югом.

Но главное – это были его глаза, дикие, пылающие глаза настоящего поэта, глаза, которые говорят обо всём.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.